
ЧАСТЬ I ВОЕННЫЙ

ОТЧИЙ ДОМ

Франция в конце XIX века с ее развитой экономикой, огромной колониальной империей, переживающая подлинный расцвет науки и культуры, была одним из самых передовых государств мира. С установлением Третьей республики в стране утвердился буржуазно-демократический строй. Конституция 1875 года закрепила реальную власть за Палатой депутатов и отчетным перед ней председателем кабинета министров. Президент и Сенат большими полномочиями не обладали. Двигаться по пути процветания молодой республике мешало лишь одно печальное событие ее недавней истории — проигранная Франко-прусская война. Франция лишилась Эльзаса и Лотарингии, двух важнейших промышленных областей, и выплачивала Германии огромную денежную контрибуцию.

Господствующим классом французского общества прочно стала буржуазия. Дворянство же давно потеряло большую часть своих доходов и влияние. Аристократия постепенно сливалась с буржуазией, пополняя ряды рантье, чиновников, служащих. На благородное происхождение многих ее представителей указывала лишь частица «де», стоявшая перед фамилией. И все-таки некоторые дворяне гордились тем, что их род восходит к Средним векам, и стремились продолжать традицию служения отечеству. Одним из таких людей был Анри де Голль.

Его фамилия впервые упоминалась еще в летописи XIII века. В ней говорилось, что король Филипп-Август пожаловал некоему Ришару де Голлю ленное владение. В период Столетней войны, в начале XV века отличился Жеан де Голль. Он был правителем Орлеана, участвовал в известном сражении при Азенкуре и отказался перейти на службу к английскому королю. В XVII веке де Голли уже не представляют «дворянство шпаги», а становятся «дворянством мантии». Они служат государству наместниками, советниками, адво-

катами. В период Французской революции конца XVIII века Жан-Батист де Голль попадает в тюрьму, но после переворота 9 термидора выходит на свободу и при Наполеоне становится директором военной почты. Его сын, Жюльен де Голль, женился на Жозефине Майо, дочери владельца табачной фабрики. Так впервые дворянская семья де Голлей породнилась с представителями буржуазии.

У Жюльена и Жозефины, обосновавшихся в Париже, родились три сына. Сами они были творческими натурами. Жюльен увлекался историей. В период Июльской монархии он опубликовал «Историю Парижа», а затем «Жизнь Людовика Святого». Его жена написала много нравоучительных книг для детей и издавала журнал «Семейная переписка». Их старший сын Шарль пошел по стопам отца и стал историком. Его перу принадлежит труд «Кельты в XIX веке». Младший — Жюль — посвятил себя изучению насекомых. Он выпустил «Каталог перепончатокрылых».

Жизнь среднего сына, Анри, родившегося 22 ноября 1848 года, протекала более обыденно. Он учился в Лицее Карла Великого и в Коллеже иезуитов в Париже, был допущен к занятиям в Высшей политехнической школе, но предпочел начать трудовую деятельность. Он стал давать частные уроки, одновременно самостоятельно продолжая образование. Анри успешно сдал экзамены на получение лиценциата* по гуманитарным наукам. Это дало ему право на преподавание в средних учебных заведениях.

В 1870 году, сразу после начала Франко-прусской войны, Анри призвали в армию. Он участвовал в обороне Парижа и был ранен. По окончании войны вернулся к преподаванию, затем восемь лет прослужил мелким чиновником. Однако ему многое не нравилось в политике молодого республиканского режима, главным образом антиклерикализм. В результате Анри де Голль принял решение вернуться к преподаванию, но в частных католических учебных заведениях.

Он вел занятия в иезуитских коллежах Святой Женеьевы и Непорочного зачатия по французскому языку и литературе для готовящихся к поступлению в Политехническую школу, по истории — в военное училище Сен-Сир, а также преподавал философию и математику. Учителем он был широко образованным, обладал отменной памятью, прекрасно владел древнегреческим, латынью, немецким и английским языками.

* Лиценциат — ученая степень, подтверждающая окончание одного из циклов высшего образования

В 1886 году Анри де Голль женился на одной из своих кузин — Жанне Майо. Она родилась в Лилле 28 апреля 1860 года в семье текстильного фабриканта. Предки Жанны со стороны матери — шотландцы и ирландцы — переселились во Францию в начале XVIII века¹. Жанна, так же как и ее муж, была ревностной католичкой. Она стала верной и заботливой женой и замечательной матерью пятерых детей. В 1887 году у де Голлей родился первенец — Ксавье, в 1889 году — дочь Мари-Аньес, в 1890-м — второй сын — Шарль, в 1893-м — Жак и в 1897 году — младший сын Пьер.

Все дети появлялись на свет в Лилле, в родительском доме Жанны. Так было и с третьим сыном, который родился 22 ноября 1890 года. Его крестили в тот же день и назвали Шарль Андре Жозеф-Мари. Через несколько месяцев мать с ребенком вернулась в Париж.

Детские годы Шарля проходили в большой квартире недалеко от улицы Вожирар на левом берегу Сены. Отец и мать придавали большое значение воспитанию детей. С самого раннего возраста их приучали к дисциплине. Однако Шарль был мальчиком непослушным и чересчур самостоятельным. Он очень любил прогулки по Люксембургскому саду. Туда вместе со старшим братом и сестрой его приводил отец. Шарлю так нравилось прокатиться по аллеям на повозке, запряженной козочками. Но иногда отец не разрешал ему кататься. Тогда мальчик, которому было всего четыре года, просто шел за повозкой и однажды заблудился. Но ребенок сообразил, что повозка обязательно вернется на место, с которого отправилась в путь, и тогда он непременно найдет родителей. Так и вышло. Еще Шарль любил залезать на пони. Если мать не разрешала ему этого сделать, он страшно огорчался. А когда за непослушание Шарлю к празднику не подарили приготовленную заранее деревянную лошадку, мальчик пришел в полное отчаяние.

В 1896 году Шарль поступает в начальную школу Святого Фомы Аквинского, расположенную недалеко от дома. Но ходил он туда не часто, так как ему было вполне по силам заниматься экстерном и лишь сдавать экзамены. Анри де Голль придерживался принципов домашнего образования. Он учил своих детей читать и писать, сам часами читал им отрывки из французской и зарубежной классической литературы. Под руководством отца Шарль с братьями разыгрывал целые сцены из пьес Корнеля и Расина.

В семье царил дух католицизма и патриотизма. Детей водили к мессе и к вечерне. В доме отмечали лишь религиозные праздники. Французская республика не вызывала у Ан-

ри де Голля больших симпатий. Иногда он даже говорил о себе как о «тоскующим монархисте».

Анри де Голль любил историю. Он рассказывал детям древнегреческие и древнеримские мифы, с пафосом декламировал фрагменты из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, «Энеиды» Вергилия. Главным же отец считал знакомство сыновей и дочери с прошлым Франции. Первыми книгами, которые он купил им, были детские иллюстрированные альбомы по истории родной страны. Именно по ним они учились читать и впервые узнали о знаменитых людях своего отечества — Жанне д'Арк, Ришелье, Наполеоне, французских королях — Людовике Святом, Генрихе IV, Людовике XIV. Шарль усвоил от отца, что история Франции — это прежде всего история французской нации, ее войн с другими нациями, побед и поражений, удач и невзгод. С раннего возраста он навсегда запомнил старинный девиз: «Лучше погибнуть на войне, чем увидеть несчастья своей отчизны».

Отец часто возил своих детей по памятным местам Парижа и его окрестностей и рассказывал им об известных эпизодах французской истории. Его сын Шарль напишет впоследствии: «Ничто так не поражало меня... как символы нашей славы: Собор Парижской Богоматери, окутанный ночным сумраком, Версаль в его вечернем великолепии, залитая солнцем Триумфальная арка, знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов»².

Нередко дети с отцом отправлялись в местечко Стен под Парижем. Там Анри де Голль участвовал в обороне столицы и был ранен. У подножия обелиска, установленного в Стене в честь погибших во Франко-прусской войне, маленький Шарль мог прочитать эпитафию: «Шпага Франции, разбитая в мужественных руках французов, будет выкована вновь их потомками».

Любовь к Франции, гордость за нее постоянно присутствовали в жизни семьи. Во время детских игр Шарль уже воображал себя полководцем, сражающимся за родину. Анри де Голль собирал для сыновей коллекцию оловянных солдатиков. Она насчитывала почти две тысячи фигурок. Среди них были французы, англичане, итальянцы, австрийцы, русские, турки, египтяне и даже зулусы. Мальчики с удовольствием выстраивали солдатиков в полки и разыгрывали известные исторические битвы. Руководил неизменно Шарль. Его слушался даже старший брат Ксавье, не говоря уже о маленьких Жаке и Пьере. Шарль всегда играл только «за французов». Ему так хотелось почувствовать себя победителем при Вальми или Аустерлице.

Летние каникулы дети обычно проводили в сельской местности на севере Франции. Шарлю нравилось резвиться на природе в кругу своих братьев и сестры. А вечером он с удовольствием читал Киплинга, Дефо, Купера, Жюль Верна, Дюма.

ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ

В 1900 году Шарль поступает в иезуитский коллеж Непорочного зачатия. Он учится на классическом греко-латинском отделении и получает прекрасное гуманитарное образование.

Разумеется, большое внимание в коллеже уделяется религиозным дисциплинам и воспитанию. Учащиеся основательно изучают Библию, труды отцов церкви и писателей Нового времени. Среди них «Мысли» Паскаля, видевшего в христианстве спасение от бед, «Рассуждения о всеобщей истории» Боссюэ, рассматривающего историческое развитие как осуществление божественного провидения, «История происхождения христианства» Ренана.

Не меньшее значение иезуиты придавали и античному наследию. Шарль читает в подлинниках Гомера, Эсхила, Софокла, знакомится с произведениями древнегреческих историков Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Диодора Сицилийского, Полибия, Плутарха и философов Сократа, Платона, Аристотеля. Латинская культура нравится Шарлю больше, чем греческая. Он с интересом разбирает не только знакомую с детства «Энеиду» Вергилия, но и поэмы в стихах Овидия и Лукреция, труды Тита Ливия, Тацита, Сенеки и «Записки о галльской войне» Цезаря.

Серьезнейшим образом иезуитами было поставлено преподавание французских языка и литературы, истории, географии, математики, немецкого языка. Маленький де Голль сразу полюбил историю. Особенно его интересует прошлое родной страны. Он увлеченно читает книги по истории Франции, а также известные произведения своих знаменитых соотечественников.

Настоящей страстью Шарля в отрочестве становится поэзия. Он уже знаком со стихами Киплинга, драмами Шекспира и Гёте, «Божественной комедией» Данте, но предпочитает, конечно, французов — де Виньи, Шатобриана, Верлена. Главным же увлечением мальчика были пьесы Эдмона Ростана. Премьера его «Сирано де Бержерака» состоялась в 1897 году. Она принесла триумф автору. Шарль восхищался Сирано и выучил всю пьесу наизусть. В 1900 году увидела

свет еще одна драма Ростана — «Орленок», посвященная рано умершему сыну Наполеона. Ее премьера состоялась в Париже как раз в канун дня рождения Шарля. Отец решил сделать ему подарок и повел в театр на «Орленка». Мальчик был счастлив.

Ученики коллежа Непорочного зачатия по праздникам устраивали собственные спектакли. Разыгрывали, как правило, исторические пьесы в стихах. Шарль всегда принимал в них участие, выступая в роли короля или герцога. Он и сам писал стихи. В 1905 году юный де Голль в подражание Ростану сочинил одноактную драму «Дурные встречи»³.

Несмотря на незаурядные способности, в учебе Шарль не был прилежным и организованным. Он делал лишь то, что ему нравилось, поэтому нередко получал плохие оценки. Отец ставил Шарлю в пример старшего брата Ксавье и даже младшего Жака. Мало того, за посредственные результаты в математике и немецком языке Анри де Голль его наказывал — не брал на прогулки или в театр. Мальчик ужасно расстраивался. Иногда он сидел на подоконнике своей комнаты и с горечью наблюдал, как отец уводит сестру и братьев в Люксембургский сад. Но что было делать? Шарлю оставалось только надеяться, что по его улице пройдут строем с оркестром республиканские гвардейцы. Их черно-красная форма с золотыми эполетами и аксельбантами и перьями на кепи так впечатляла! Он тоже решил стать военным и уже мечтал о подвигах во имя любимой Франции.

Пока никого нет дома, мальчик читает, думает, пишет, и не только стихи, которые мама грозит порвать, когда он ее не слушается. В 14 лет Шарль сочиняет небольшую повесть «Немецкая кампания»⁴, где он представляет себя командующим французскими войсками, сражающимися против Германии.

На летние каникулы семья теперь уезжает на юго-восток страны. Там, в департаменте Дордонь, Анри де Голль купил домик. Чтобы добраться до места, надо пересечь почти полстраны. Мальчишки теснятся у окна и рассматривают башенки старинного замка на Луаре, горные кряжи Центрального массива и цветущие равнины Лимузена.

Время шло. Рубеж веков стал для страны богатым на события. Сближение Франции с Россией привело к заключению между ними политического соглашения в 1891 году, а в следующем — и военной конвенции. Две державы сначала обменялись визитами флотов, а позднее, в 1896 году, русский император Николай II прибыл в Париж.

Страна смогла наладить отношения и с Англией, а также привлечь ее к союзу с Россией. После разграничения интересов Франции и Великобритании в Юго-Восточной Азии и Северной Африке в 1904 году было заключено франко-английское соглашение, а в 1907 году — англо-русское. Так образовался блок Антанта, которому противостоял Тройственный союз Германии, Италии и Австро-Венгрии. Европа двигалась к войне. Идея реванша над Германией буквально пронизывала французское общество.

В начале XX века во Франции образовались первые политические партии. Республиканцы различных оттенков в 1901 году объединились в Демократический альянс. В 1903 году умеренные республиканцы объявили о создании Республиканской федерации. Обе эти правые партии выражали интересы буржуазии и выступали в защиту традиционного уклада жизни.

На левом фланге в 1901 году возникла Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов. Она объединила силы, приверженные идеалам демократической республики при сохранении частной собственности. Левее стояла Социалистическая партия, образованная в 1905 году и носившая официальное название Французская секция рабочего интернационала (СФИО). Она широко пропагандировала социалистические лозунги, но фактически шла по пути социал-реформизма.

До 1902 года у власти во Франции стояли республиканцы. Во время их правления огромное влияние на политическую обстановку в стране оказало «дело Дрейфуса». Капитана французской армии, еврея по национальности Дрейфуса, обвинили в шпионаже в пользу Германии, лишили воинского звания и приговорили к пожизненной каторге. Вскоре стало известно, что шпионом был другой человек, а Дрейфус невиновен. В результате «дело Дрейфуса» всколыхнуло всю страну. Франция разделилась на дрейфусаров и антидрейфусаров.

В 1902 году к власти пришли радикалы. Дрейфуса полностью реабилитировали. Главным же направлением политики правительства становится антиклерикализм. В 1905 году парламент принял закон об отделении церкви от государства. Французская республика разорвала дипломатические отношения с Ватиканом. Некоторым религиозным конгрегациям запретили заниматься преподавательской деятельностью.

В доме де Голлей, конечно, живо обсуждали «дело Дрейфуса». Анри де Голля потрясла эта история. Он считал, что она опозорила французскую армию, сразу примкнул к лаге-

рю дрейфусаров и приветствовал реабилитацию невинного капитана. Однако антиклерикальное законодательство радикалов в семье де Голлей, правверных католиков, было воспринято крайне отрицательно. К тому же именно ордену иезуитов запретили вести преподавание во Франции. Анри де Голля такая ситуация очень огорчила. Его старший сын Ксавье уже завершил среднее образование, а Шарль и Жак еще учились в старших классах. Многие иезуиты переехали в учебные заведения ордена в Бельгии. Вот туда-то отец и решает отправить двух своих сыновей для завершения учебы.

Так в конце лета 1907 года Шарль вместе с братом Жаком уезжает в небольшой бельгийский городок Антуан, где поступает в иезуитский коллеж Сакре-Кёр. Он занимается философией, историей, географией, химией, физикой, математикой, чтобы в конце учебного года сдать экзамены на бакалавра*. Шарль в письмах сообщает родителям, что присматривает за младшим братом Жаком, усердно учится и ведет жизнь праведного католика, начиная каждый день с мессы в 7 часов⁵.

Следующим летом семнадцатилетний Шарль совершает вместе с отцами-иезуитами свою первую заграничную поездку — в Германию и Швейцарию. Он ездит по горному Шварцвальдскому массиву и посещает Баден-Баден, Фрайберг, Базель, Цюрих, Люцерн и другие маленькие городки. Путешественники за небольшую плату останавливаются у местных кюре. Шарль с интересом знакомится с церковной и гражданской архитектурой, любуется природой, совершенствует свой немецкий язык. 3 июля 1908 года он пишет отцу: «Позавчера несказанно довольный я вернулся из Фрайберга. Мы поднялись на самый верх колокольни собора. Оттуда открывается вид на долину Рейна и Вогезы. Как это прекрасно... Раньше здесь стоял феодальный замок, который уничтожили наши пушки. Потом Вобан** построил тут крепость, большая часть которой тоже разрушена. С ее высоты через Бургундские ворота можно увидеть Францию, и я смог вас издали поприветствовать»⁶.

В начале осени Шарль в хорошем настроении возвращается в Париж. Он твердо решил поступать в военное училище Сен-Сир, так как считал, что «армия занимала очень большое место в жизни народов»⁷. Но, чтобы пройти кон-

* Бакалавр (бакалавриат) — степень и диплом, свидетельствующие об окончании среднего учебного заведения учащимися, успешно сдавшими серию экзаменов.

** Вобан Себастьян (1633—1707) — маршал Франции и военный инженер.

курс, надо готовиться к экзаменам. Для этого 1 октября 1908 года молодой де Голль поступает в специальный подготовительный класс коллежа Станислас, девиз которого гласит: «Честь, Религия и Родина». Он упорно занимается, как всегда, много читает, пишет сочинения на различные исторические сюжеты. Среди них — «Провинциальная администрация при Старом порядке», «Франция в 1802 году», «Политика Александра I по отношению к Наполеону», «Франкфуртский мир»⁸. Все они свидетельствуют о больших способностях автора. Он много знает, хорошо пишет и делает собственные выводы. Шарль любит сочинять и маленькие рассказы на воображаемые сюжеты. Он придумал себе псевдоним — Шарль де Люгаль — и неизменно так подписывается.

Любимым литературным жанром де Голля уже навсегда стала поэзия. Он часто читает стихотворные сборники известных поэтов. У него прекрасная память и особо понравившиеся строфы Шарль знает наизусть. Он по-прежнему и сам сочиняет рифмы. О чем? Конечно, о победах, о славе. В одном стихотворении, написанном де Голлем в 17 лет есть такие строки:

Quand je devrais mourir,	Если бы мне пришлось умереть,
J'aimerais que ce soit	Я бы хотел
Sur un champ de bataille,	Только на поле боя
Alors qu'on porte en soi...	Найти свой удел...
J'aimerais que ce soit	Я бы хотел встретить смерть,
Pour mourir sans regret,	Как почет,
Un soir ou je verrais,	Только в тот день,
La gloire à mon chevet ⁹ .	Когда слава придет*.

В свободное время Шарль с удовольствием гуляет по Парижу, бывает в музеях, в театре. Когда на рождественские каникулы в конце 1908 года в семью де Голлей приезжает молодой родственник с севера, именно Шарль берется сопровождать его по столице. Он ведёт кузена в Лувр и в Опера-комик на «Кармен»¹⁰.

СОЛДАТ ОТЕЧЕСТВА

Осенью 1909 года восемнадцатилетний Шарль де Голль успешно сдает экзамены и поступает в Сен-Сир. На 211 мест претендовало почти 700 человек. Шарль прошел конкурс 119-м. Результат далеко не блестящий, но он не очень огорчается. Ведь почти 500 человек вообще остались «за

* Перевод автора.

бортом» и им придется предпринимать вторую, а то и третью попытку. А его приняли с первой. По существующему порядку перед учебой все зачисленные сначала должны провести год в любом роде войск действующей армии. Шарль выбирает пехоту и отправляется в 33-й пехотный полк, расквартированный в городе Аррасе на севере страны.

Время проходит быстро. И вот в октябре 1910 года молодой де Голль в звании капрала переступает порог знаменитого военного училища, основанного Наполеоном в 1803 году. Первоначально оно располагалось в Фонтенбло, но вскоре перенеслось в местечко Сен-Сир близ Версаля. Итак, он стал сираром. Шарль выделяется среди остальных прежде всего очень высоким ростом — 1 метр 90 сантиметров — живыми карими глазами и большим выдающимся вперед носом. Он держится независимо, с чувством собственного достоинства, но всегда дружелюбен и отзывчив. Товарищи давали ему различные прозвища — «двухметровый», «Сирано», «дылда», «индюк», «Коннетабль»* и даже «король в изгнании». Де Голль не обижается. Он всем доволен.

Девиз Сен-Сира — «Учиться побеждать!». И воспитанники училища изо всех сил стараются ему следовать. В пять тридцать они уже встают, в шесть — завтракают. С семи до девяти занимаются физической подготовкой. Это гимнастика, фехтование, футбол, верховая езда. Затем до полудня проходят занятия по общеобразовательным дисциплинам — истории, географии, топографии, праву, французской литературе, немецкому языку, рисованию. Послеобеденное время отдается только военному делу. Отдельные дни выделяются для специальных пеших переходов при полном военном обмундировании, достигающем восемнадцати килограммов веса. Для Шарля, при его росте, одолеть такие маршруты было нелегко, но он справлялся.

Преподаватели училища сразу высоко оценили де Голля. В его учетной карточке значилось:

«Поведение — безупречное
Способности — очень яркие
Воспитание — хорошее
Характер — прямой
Осанка — очень красивая
Усердие — очень большое
Военная сноровка — очень развитая
Внешность — симпатичный

* Коннетабль — в средневековой Франции военный советник короля.

Способности к переходам — очень хорошие
Спротивление усталости — большое»¹¹.

Шарль всегда принимал участие в устраиваемых сирарами вечеринках. Когда они после застолья начинали хором петь, де Голль тут же бодро вступал и своим выразительным голосом затягивал:

En avant Cyrards...	Вперед Сирары...
Au Maroc, en Mauritanie,	В Марокко, в Мавританию,
Que la victoire vous sourie.	И пусть победа вам улыбается*.

Каждый день после половины восьмого вечера и до отбоя в десять воспитанникам училища предоставлялось свободное время. У Шарля, как правило, оно проходило за чтением. Его интересовало все. Поэзия, художественная литература, труды по истории и философии. Он давно хорошо овладел немецким, который так не любил в детстве. Теперь де Голль в подлинниках и в переводах внимательно читает Канта, Гегеля, Фихте, Ницше, Гёте, Бисмарка. Он старается понять дух этой нации. Ведь новая война с немцами неизбежна. Де Голль заинтригован идеей Ницше о сверхчеловеке.

Настоящее же влияние на мировоззрение молодого сирара оказывают современные французские мыслители Эмиль Бутру и Анри Бергсон. Через некоторое время де Голль сам напишет: «Появление Бутру и Бергсона обновило французскую духовность»¹².

В центре философии спиритуалиста Бутру были проблемы детерминизма и свободы. В своих главных произведениях «О случайности законов природы» и «Наука и религия в современной философии» он говорил о противоположности законов природы творческой природе человека. Более всего Шарлю в концепции Бутру импонировала идея о том, что в основе биологической эволюции лежит свободный творческий акт. Де Голль сразу полюбил известный тезис философа: «Призвание человека состоит в том, чтобы быть владыкой ветров и волн».

Молодой сирар сразу стал приверженцем философии действия интуитивиста Бергсона. В работах философа «Духовная энергия» и «Творческая эволюция» процесс развития трактовался как постоянное возникновение качественно нового. Бергсон отвергал возможность познания мира с помощью разума и практической деятельности. Он доказывал, что истина недоступна научному пониманию и постижение действительности посредством логики происходить не может. Оно

* Перевод автора.

возможно лишь с помощью особой, таинственной, врожденной способности — интуиции. Философ призывал к пониманию необходимости действия, к проявлению творческой энергии и к приобретению человеческого разумом интуиции, при сочетании инстинкта с умом.

Де Голль, как и многие его соотечественники, разделял националистические настроения. Дух национализма поддерживался многими французскими литераторами. Ему нравились романы Мориса Барреса «Под взглядом варваров», «Роман национальной энергии», «Призыв к солдату». Их автор придавал мистический характер понятию нации, разработывал националистическую доктрину воспитания патриотического духа путем бережного сохранения французских исторических традиций. Баррес прямо отстаивал идею реваншистской войны против Германии. Другой французский писатель, военный по профессии Эрнест Пишари также выступал против пацифизма и за реванш. Одна из его книг так и называлась — «Призыв к оружию».

Ярко выраженным национализмом и патриотизмом было окрашено все творчество друга Пишари, поэта Шарля Пеги. Много лет спустя де Голль скажет о нем: «Ни один другой писатель не оказал на меня такого влияния, как он. В годы, предшествующие войне, я читал все, что он писал... Я чувствовал, что он мне очень близок... Он воспринимал вещи именно так, как воспринимал их я... Он привлекал меня своим стилем, своими формулировками, своими повторениями»¹³. В поэмах «Наша юность», «Мистерия о милосердии Жанны д'Арк» Пеги страстно романтизировал прошлое Франции и создавал мистический облик матери-родины с ее необычной, возвышенной судьбой. Собирательным образом его произведений был простой французский солдат, всегда готовый умереть за свою отчизну и считающий такую смерть высшим благом. Пеги прославлял этих солдат:

Ils devaient tomber mort	Они шли, чтобы пасть,
Face en avant,	Смело глядя вперед,
Morts plus grand que le sort	Как прекрасна их смерть,
Et les vivants.	Они ждали ее*.

Пеги боготворил героиню Столетней войны Жанну д'Арк. Он считал ее вечным символом Франции, ее самой большой гордостью. Де Голль полностью разделял мнение поэта. Однажды он написал своей рукой прямо в томике «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк»:

* Перевод автора.

«Жанну призвали. Она пришла. Она увидела гибнущую Францию; она смогла встать выше частных интересов и претензий.

В глубине народа она зачерпнула свои тайные Веру и Надежду, она их подняла наверх и взяла с собой.

Отныне она могла терпеть, страдать, умереть. Она навсегда победила»¹⁴.

В 1912 году де Голль блестяще завершил учебу. Если он поступил только 119-м, то выпускается 13-м в звании младшего лейтенанта с прекрасной аттестацией: «Настоящий военный. Очень добросовестный и преданный своему делу. Командует спокойно и энергично. Будет великолепным офицером»¹⁵.

Шарль горд, что стал офицером. Выпускник Сен-Сира фотографируется на память в элегантной голубой форме пехотинца, кепи с перьями, подвешенной на боку саблей. Он понимает, что армия — это «предмет национального культа»¹⁶. Шарль убежден, что смысл его жизни «состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг»¹⁷. А страна уже жила ожиданием войны. Как вспоминал сам де Голль, она испытывала «ностальгию по славе» и, «желая мира, в то же время лелеяла надежду на реванш». Французы ждали «стук барабана» и «не сомневались, что рано или поздно им вернут Эльзас и Лотарингию»¹⁸.

Жанна и Анри де Голль были довольны тем, как складывалась жизнь их детей. Ксавье закончил Инженерную школу. По его стопам пошел и Жак. Мари-Аньес вышла замуж за бельгийца Альфреда Кайо и переселилась в бельгийский городок Шарлеруа. Пьер завершил среднее образование. А Шарль по окончании Сен-Сира осенью 1912 года вновь отправился в Аррас, в тот самый 33-й пехотный полк, где стажировался до начала занятий в военной школе.

Выпускник поступает под командование полковника Филиппа Петэна. Де Голлю сразу понравился этот человек. Он высоко оценил его качества офицера и написал впоследствии, что именно Петэн открыл для него «все значение таланта и искусства военачальника»¹⁹. Полковник также благосклонно отнесся к новому подчиненному. Он дал ему замечательную характеристику: «С самого начала утвердился как прекрасный офицер, подающий большие надежды... Очень образован, страстно любит свою профессию. Достоин во всех отношениях»²⁰. Осенью 1913 года де Голль становится лейтенантом и продолжает службу в Аррасе. Петэн же отбывает по другому назначению и вскоре получает чин генерала.

Лейтенант служит с большим чувством ответственности, командует на маневрах. Помимо этого он, как обычно, много читает, став постоянным посетителем муниципальной библиотеки. Де Голль обращается к трудам по военной истории, стихам и прозе современников. Он и сам пишет и выступает с речами и лекциями перед новобранцами и подчиненными младшими офицерами. Лейтенант стремится внести собственную лепту в поддержание национального духа. Одна из его лекций называется «О патриотизме». В ней он восклицает: «Невозможно отрицать, что самое бескорыстное и благородное чувство — это патриотизм. Я думаю, что никакая другая человеческая любовь не вдохновляется такой самоотверженностью»²¹.

Свой патриотизм де Голль, разумеется, отождествлял с реваншизмом. Но были и французы, для которых любовь к отечеству воспринималась как пацифизм. Их идейным лидером стал известный социалист Жан Жорес. Де Голль не разделял его взглядов, но знал, что он — один из самых блестящих ораторов Франции. Именно поэтому молодой лейтенант часто во время увольнительных переодевался в штатскую одежду и ехал в Лилль, чтобы услышать пламенные речи Жореса²².

«Стука барабана» долго ждать не пришлось. В августе 1914 года началась Первая мировая война. Во Франции ее восприняли как совершенно естественную. Была объявлена всеобщая мобилизация. Более восьми миллионов французов готовились встать под ружье. Потянулись к северу первые военные эшелоны. Пошли на фронт и братья де Голли. Ксавье и Жак сразу отправились в артиллерийские войска. Пьеру едва исполнилось семнадцать, и он ушел на войну через три года. 33-й пехотный полк Шарля получил приказ присоединиться к северо-восточной армии.

5 августа лейтенант де Голль записал в своем дневнике: «Прощай моя квартира, мои книги, мои фамильные вещи. Какой насыщенной кажется жизнь, какими значительными представляются обыкновенные дела, когда, может быть, скоро все кончится...

Полк выступил сегодня утром в строгом порядке. Мало народа вышло посмотреть, как мы уходим. Но это были решительные люди, которые смогли сдержать слезы.

Итак, вперед! Сейчас действительно наблюдается единый порыв и энтузиазм, о котором я мечтал»²³.

Де Голлю пришлось пройти все суровые будни Первой мировой. «...Подобно соломинке, — вспоминал он, — я был захвачен ураганом войны и пережил все перипетии этой

драмы — боевое крещение, тяготы и лишения окопной жизни, атаки, обстрелы, ранения, плен»²⁴.

В середине августа немецкая армия, разгромив бельгийцев, уже перешла франко-бельгийскую границу. 15 августа де Голль попал под обстрел в нормандском городке Динан. Его ранило в правую ногу. Пуля задела берцовую кость. Он не мог передвигаться. Таким было первое крещение огнем. Его госпитализировали в Аррасе, потом прооперировали в Париже и затем отправили на долечивание в Лион.

В январе 1915 года де Голль уже здоров и в строю. Однако 10 марта в бою на реке Сомма он получает новое пулевое ранение, в левую руку. Лейтенант долго залечивает рану в прифронтовых госпиталях и возвращается в полк только в сентябре. Его ждет приятное известие о повышении в чине: он капитан.

Де Голль стойко переносит невзгоды войны, храбро сражается и мечтает только о победе. 23 ноября 1915 года в письме к матери он подчеркивает: «Конца войне пока не видно. И пусть. Ведь надо, чтобы она закончилась только полной победой наших армий. Мир должен быть продиктован только нами. Мы должны сжать наши сердца и сконцентрировать нашу энергию, чтобы отвергнуть предложения, которые пытается нам делать враг»²⁵. В канун следующего года молодой капитан пишет Анри де Голлю: «Дорогой отец, вместе с моей бесконечной любовью посылаю Вам единственное пожелание, которое подобает послать, — французской победы в 1916 году»²⁶.

А до победы было еще далеко. В 1916 году на Западном фронте развернулась крупнейшая битва войны в районе города Верден на севере Франции. Она началась в феврале и продолжалась до декабря. Сражение войдет в историю как «верденская мясорубка». Операцией в целом командовал генерал Петэн. Полк, в котором служил де Голль, возглавляемый подполковником Будором, сразу перешел в наступление в деревне Дуамон под Верденом. Сам де Голль был назначен командиром батальона. Французы столкнулись с неистовой атакой немцев. Рано утром 2 марта начался массированный обстрел немецкой тяжелой артиллерии. Стоял неслыханный грохот, земля дрожала. Затем пустили газ, и, наконец, произошла рукопашная схватка. Батальон де Голля был почти полностью уничтожен. Сам он получил сильный удар штыком в бедро и потерял сознание. Его сочли мертвым. Через два месяца в приказе по армии будет отмечено: «Командир батальона капитан де Голль, зарекомендовавший себя духовно и морально в самой высокой степени,

при страшной бомбардировке немцев, которая почти выкосила его солдат, поднял оставшихся в живых на яростную атаку, посчитав такое решение единственным достойным воинской чести. Он пал в бою при непосредственном соприкосновении с противником. Офицер во всех отношениях не имеющий себе равных»²⁷.

На самом деле де Голль остался в живых. Но каково же было его отчаяние, когда он очнулся и понял, что попал в плен. Его ждали почти три года мытарств по различным лагерям для военнопленных. После лечения в немецком госпитале французского капитана отправляют в Оснабрюк в Вестфалии, потом в городок Нейсе в Восточной Германии. Оттуда его везут в город Щучин в оккупированной немцами западной Белоруссии. Затем он попадает в крепость Ингольштадт в Баварии. Из нее де Голля перевозят в Розенберг и в военную тюрьму в Пассау. После этого — опять Ингольштадт, Вюрцбург и, наконец, Магдебург в Восточной Германии²⁸.

Настроение де Голля было подавленным. Летом 1916 года из Оснабрюка он впервые пишет родителям. Пленный капитан сообщает отцу, что «стал ничем», а чуть позднее жалуется матери, что «сердце его разрывается от горя в этом ненавистном плену»²⁹. Но де Голль сам себя корит за такое малодушие. Он записывает в дневнике: «Надо быть человеком характера. Лучший способ преуспеть в действии — это уметь владеть собой»³⁰. Капитан пытается забыть о своем униженном положении за книгой. Он читает все, что попадает ему в руки. По-древнегречески, по-латыни, по-французски, по-немецки. Де Голль ведет дневник, исписывает сотни страниц, приводя многочисленные цитаты из самых разных произведений³¹.

В 1917 году французского капитана переводят в крепость Ингольштадт на Дунае. Он понимает, что теперь находится недалеко от Франции, и тогда у него появляются мысли о побеге. Впервые де Голль неудачно пытается бежать из Ингольштадта. Его переводят в Розенберг. Оттуда он предпринимает еще две попытки. Французского капитана задерживают и заключают в военную тюрьму в Пассау, а затем опять в Ингольштадт. Он пишет отчаянные письма домой, иногда зашифрованные, и просит у матери прислать ему штатскую одежду³². В 1918 году де Голля под конвоем перевозят в Вюрцбург. Он вновь осуществляет две попытки бежать. Тогда его отправляют в Магдебург.

Дни плена в последние полтора года войны тянутся невыносимо долго. Между попытками вырваться из лагерей де Голль занимает себя тем, что постоянно читает доступную

немецкую прессу. Он пристально следит за военным положением и делами на фронтах войны. Капитан в курсе всех событий, обдумывает их и даже пытается делать прогнозы. Мало того, он пишет об этом и выступает перед своими товарищами по плену с лекциями. Они называются — «О войне», «О верховном командовании во время войны», «Ограничение вооружений»³³.

В плену де Голль познакомился с французами, которые впоследствии станут известными — журналистом Реми Руром, командиром батальона* Жоржем Катру и другими. Среди заключенных Ингольштадта были и русские офицеры. Много лет спустя де Голль вспоминал, что «во время первой империалистической войны он... долго жил в одной комнате с Тухачевским» и даже усвоил от него отдельные русские слова³⁴.

Осенью 1918 года душевное состояние капитана резко ухудшается. 1 сентября он пишет матери: «Я — заживо погребенный», а 1 ноября в письме к ней де Голль утверждает: «К огромной радости, которую я испытываю по поводу происходящих событий, примешивается и неопишимо горькое сожаление от того, что я сам не смог принять в них участие. Я думаю, что в течение всей моей жизни, долгой она будет или короткой, — это сожаление останется со мной»³⁵.

11 ноября было подписано долгожданное перемирие с Германией. Франция вышла победительницей из самой кровопролитной войны в ее истории. За победу страна заплатила высокой ценой. Полтора миллиона человек пали на полях сражений, три миллиона получили ранения, шестьсот тысяч остались инвалидами. Погибли Пеги и Пишари. Почти в каждой семье справляли тризну по тем, кто не вернулся. И все же французы ликовали. Они устраивали торжественные встречи своим прославленным генералам, получившим за заслуги на войне маршальские жезлы. Это были Жозеф Жоффр, Филипп Петэн, Фердинанд Фош.

В небольшом доме Жанны и Анри де Голль в Дордони царил праздничная атмосфера. Свершилось чудо. Все четверо их сына — Ксавье, Шарль, Жак и Пьер — вернулись с войны к родному очагу. Шарль, конечно, радовался вместе со всеми. И все же он временами пребывал в унылом расположении духа, вспоминая о том, что не смог внести собственного вклада на победном этапе войны, и даже думал, не расстаться ли ему с военным мундиром³⁶.

* Командир батальона соответствует чину майора в российской армии.

НА СЛУЖБЕ ФРАНЦИИ

Родные и близкие убеждали Шарля, что он должен продолжать военную карьеру. Де Голль и сам понимал, что иного пути для него уже нет. В начале 1919 года его отправляют на стажировку на запад страны в военную школу Сен-Мексан. 25 января он сообщает матери: «Все складывается для меня хорошо. Можно сказать, я возрождаюсь, потому что вновь нахожусь в своей военной среде»³⁷. Де Голль живо интересуется тем, что происходит в послевоенном мире и во Франции, куда постепенно съезжаются делегаты Версальской мирной конференции. Весной капитан пишет отцу: «Похоже, что политика Франции и Клемансо одерживает верх... Это означает полный политический, военный и экономический разгром Германии. Мы продиктуем такие условия ненавистному врагу»³⁸.

Французы действительно смогли сделать то, о чем писал де Голль. На Версальской конференции председательствовал Жорж Клемансо, возглавивший правительство Франции на последнем этапе войны и внесший большой личный вклад в достижение победы. За энергичность и твердость характера он получил прозвище «Тигр». Клемансо принял самое непосредственное участие в разработке мирного договора с Германией. По его условиям Франции возвращались Эльзас и Лотарингия. Французские войска оккупировали левый берег Рейна, объявленный демилитаризованной зоной. Такая же зона протянулась на 30 километров вдоль правого берега Рейна. Угольные шахты Саара переходили в собственность Франции в возмещение разрушенных во время войны ее копий. Германии разрешалось иметь армию не более 100 тысяч человек, вербуемых на добровольной основе. Всеобщая воинская повинность в стране отменялась. Вооружение немецкой армии танками, самолетами, тяжелой артиллерией и подводными лодками не разрешалось. Наконец, Германия должна была выплачивать странам-победительницам очень большую денежную контрибуцию.

В апреле 1919 года де Голль принимает решение поехать в Польшу. Там организована французская военная миссия. Офицеры Франции проводят инструктаж польских военных. Капитан приезжает в маленькое местечко Рембертув под Варшавой и принимается за дело. Он чувствует себя вполне уверенно и сам отмечает: «Наконец-то я стал ощущать себя таким, каким был до этого жуткого плена. Ко мне возвратилась вера в себя и в будущее. И это главным образом оттого, что я нахожусь в школе офицеров, значит, в своей сти-

хии»³⁹. Настроение де Голля стало еще лучше, когда он узнал, что его наградили орденом Почетного легиона за мужественное поведение под Дуамоном.

Осенью 1919 года капитан ненадолго приезжает в Париж на свадьбу старшего брата Ксавье. Ему и самому скоро тридцать. Он тоже думает о своей личной судьбе и делится этим с матерью. «Я хочу, — замечает Шарль, — чтобы и у меня появилась семья и чтобы я смог в безмятежности глубокой, освященной богом любви дать другому человеку все счастье, которое способен дать мужчина»⁴⁰.

Планы де Голля нарушила начавшаяся в 1920 году советско-польская война. Польша при поддержке США, Великобритании и Франции развернула крупное военное наступление на молодое советское государство с целью расширения своей территории за счет Украины и Белоруссии. Де Голль принял непосредственное участие в военной кампании. Он возглавил батальон, сражавшийся на южном направлении против 1-й Конной армии Семена Буденного. Капитан наверняка знал, что на севере на поляков наступает его знакомый по плену Михаил Тухачевский, который при новой власти в России сделал головокружительную карьеру и в 27 лет уже командовал армией.

В октябре советско-польская война закончилась. Де Голль на три недели уезжает в Париж. Он по-прежнему мечтает познакомиться с девушкой из хорошей семьи. Одна из его родственниц со стороны матери подыскала ему невесту. Это двадцатилетняя Ивонна Вандру, дочь промышленника из города Кале. Семья Вандру приехала в свою парижскую квартиру. Свидание с де Голлем было назначено в Большом дворце, где проходила осенняя выставка картин.

Шарль пришел один. Ивонну же сопровождали мать, отец и старший брат Жак. После выставки вся компания отправилась в кафе. Ивонна была красивой девушкой с большими серо-голубыми глазами и длинными каштановыми волосами. Она понравилась Шарлю, и он пригласил ее на бал выпускников Сен-Сира в Версаль. Родители девушки поняли, что молодой военный хорошо воспитан, очень образован и имеет самые серьезные намерения в отношении их дочери. Да, он небогат. Ну, в конце концов, пусть она решает сама.

В Версаль Ивонна поехала с Жаком. Весь вечер Шарль танцевал только с ней. Он влюбился. После бала молодые люди отправились по домам. Девушка задумчиво сидела у окна пригородного поезда, увозившего ее обратно в Париж. Брат спросил ее: «Как, Ивонна?» Она с улыбкой ответила:

«Мне с ним не было скучно». Через несколько дней девушка сказала родителям: «Я выйду только за него»⁴¹. В ноябре отпраздновали помолвку.

Вскоре де Голль уехал в Польшу, чтобы завершить там дела. Его награждают польским орденом «За военные заслуги». Он пишет очерк «Битва на Висле»⁴². В канун нового года капитан посылает из Варшавы письмо матери своей невесты со словами: «Я понимаю, какой большой жертвой будет для вас расставание с Ивонной... Но я люблю ее от всего сердца и надеюсь, что это утешит вашу с ней разлуку»⁴³. Весной 1921 года он окончательно возвращается на родину.

Свадьба Шарля де Голля и Ивонны Вандру состоялась 6 апреля в Кале. Церемония прошла согласно католическому ритуалу. Трогательную невесту в подвенечном платье с длинной фатой вывел из дома ее отец. Их встречал радостный жених в красивом голубом редингите вместе со своей матерью. Шафером невесты был ее старший брат Жак, а жениха — его младший брат Пьер. Свадебный кортеж отправился к главному собору города Нотр-Дам де Кале. Одни сопровождающие ехали на автомобилях, другие — на лошадях. После венчания Шарль и Ивонна вышли из храма под звуки свадебного марша Мендельсона и все собравшиеся отправились в дом Вандру на свадебный обед.

Медовый месяц молодые проводят в Италии, на озере Лаго Маджоре, в Милане, Брешии, Мантуе, Падуе и Венеции. Они счастливы. Чета возвращается во Францию и снимает квартиру в Париже на левом берегу недалеко от дворца Инвалидов. 28 декабря 1921 года Ивонна родила мальчика, которого назвали Филипп. Де Голль устраивается в Сен-Сир преподавать историю. Одновременно он проходит стажировки в различных родах войск — в пехоте, артиллерии, танковом корпусе, авиации. Капитан также готовится к поступлению в Высшую военную школу, выпускающую офицеров на командные и штабные должности. В ноябре 1922 года он становится ее слушателем.

Один из однокурсников де Голля, будущий генерал Лафарг так рассказал о нем: «Я впервые встретился с де Голлем в лекционном зале Военной школы. Это было в первый день занятий, когда распределялись места. Мне указали мое. Я сел и увидел проходящего передо мной высокого важного человека, хладнокровного и чопорного, одетого в голубую форму. Он сел впереди меня, и тогда я сказал себе: “Да, уж этот тип мелочью себя не считает, он ведь ходит так, будто передвигает собственную статую...” Должен признаться, что позднее я понял, что ошибся в своем первом впечатлении.

Де Голль проявлял себя как хороший, благородный товарищ. Он был выше нас всех, и поэтому казалось, что его слова доносятся откуда-то сверху. Но вообще он очень быстро вписался в нашу компанию... Он всегда принимал участие в наших увеселительных мальчишниках и пел вместе со всеми песенку «Жена ломового извозчика»⁴⁴.

Отношения де Голля с товарищами по школе действительно складывались хорошо. Однако с преподавателями, особенно теми, под началом которых он участвовал в военных учениях, дело нередко обстояло иначе. Капитан обо всем имел собственное мнение и упорно его отстаивал. Это не нравилось. После первого года учебы де Голль получил более чем лестную характеристику: «Очень способный и широко образованный, отлично ориентируется на местности, отдает четкие приказы, решителен, трудолюбив... Личность очень развитая, с большим чувством собственного достоинства, может достичь блестящих результатов»⁴⁵. Тем не менее в 1924 году капитан заканчивает Высшую военную школу с оценкой «хорошо». Причиной тому был его слишком независимый характер.

В том же году в жизни де Голля происходит еще два события. 15 мая у него родилась дочь Элизабет. А летом он публикует книгу «Раздор в стане врага»⁴⁶. Работа была написана на основе материалов немецкой прессы, которую де Голль изучил во время пребывания в плену. В ней подробно анализируются причины, приведшие Германию к поражению в Первой мировой войне: отсутствие воинской дисциплины, самоуправство немецкого командования и плохая согласованность его действий с правительственными распоряжениями. Но книга в целом посвящена не только перечислению событий и описанию фактов. В ней рассматривается важная проблема соотношения гражданской и военной властей, заинтересовавшая де Голля еще в 1917 году. Тогда он писал в дневнике: «Правительство страны, и только оно, может и должно осуществлять генеральное руководство во время войны. Ведь только оно одно располагает реальными сведениями о социальной, политической, дипломатической, финансовой, экономической обстановке в стране... И только ему одному надлежит фиксировать начало и конец военных операций и определять, против какого врага и на каком театре военных действий выступать...»⁴⁷ Такие же выводы де Голль сделал и в своей работе. Он подчеркнул, что военные власти как в мирное время, так и во время войны обязаны всецело подчиняться своему правительству.

Первую книгу де Голль опубликовал в издательстве Бер-

же-Левро, один из ключевых постов в котором занимал его бывший товарищ по плену Этьен Репессе. Она разошлась тиражом всего в тысячу экземпляров и осталась почти незамеченной широкой общественностью. Но работа явно попала в руки профессоров Высшей военной школы, которые не пришли в восторг от того, что их воспитанник уже позволяет себе выступать в роли военного аналитика.

В сентябре 1924 года капитан де Голль получает назначение в генеральный штаб французской армии в Рейнской области и выезжает в Майнц. Он с интересом наблюдает за тем, что творится на немецкой земле, и размышляет о многовековом соперничестве французов и немцев. Де Голль понимает, что сейчас находится именно на границе столкновения интересов двух наций и излагает свои мысли в скорбном четверостишии:

Le Rhin, triste témoin d'éternelles alarmes,
Couvre d'un deuil sans fin la splendeur de ses bords,
Roule un flot toujours prêt à recueillir des larmes,
Et tisse des brouillards pour voiles d'autres morts⁴⁸.

Рейн, грустный свидетель вечных угроз,
Трауром ты всегда покрываешь красу берегов,
Катишь волну, вобравшую столько слез,
И сплетаешь туман, чтоб укрыть мертвецов*.

В следующем году о де Голле вспоминает прославившийся в битве под Верденом маршал Петэн. Он прочитал книгу своего бывшего подчиненного «Раздор в стане врага» и еще больше утвердился в высоком мнении о нем. Маршал занимает высокий пост вице-председателя Верховного военного совета и приглашает де Голля в Париж работать у него. Капитан соглашается. Петэн хочет, чтобы де Голль готовил для него речи и даже написал книгу по истории армии под названием «Солдат». Капитан берется за работу. Его отношения с маршалом складываются хорошо. Однако независимый характер и высокое самомнение де Голля не нравятся офицерам окружения Петэна. И осенью 1926 года капитан возвращается в Рейнскую область.

Только в 1927 году де Голля повышают. Он получает чин командира батальона. Все в той же Рейнской области его назначают командующим 19-м егерским полком, расквартированным в городе Трир. Там он продолжает работать не только на Петэна, но пишет статьи по военной тематике для периодических изданий. Время от времени де Голль наведы-

* Перевод автора.

вается в Париж. Он мечтает стать профессором Высшей военной школы, Петэн готов ему в этом посодействовать. Но отношение преподавателей к своему недавнему выпускнику остается более чем прохладным. Они категорически не хотят иметь коллегу в лице де Голля⁴⁹. В результате командиру трирского полка пришлось довольствоваться лишь несколькими выступлениями с лекциями в престижной школе.

Каникулы в 20-е годы де Голль с семьей чаще всего проводил в имении родителей жены Сетфонтэн на севере Франции, а иногда на берегу пролива Ла-Манш. Его шурин, Жак Вандру, вспоминал, что Шарль неизменно приезжал с двумя большими чемоданами. Один был наполнен вещами, другой — книгами.

В Сетфонтэн собирались многочисленные родственники. Завтракали, обедали, ужинали все вместе. А время проводили по-разному. Шарль и его шурин бродили по окрестностям. Они собирали луговые шампиньоны и лисички. При этом де Голль нередко обращал внимание Жака на остатки каменной кладки древнеримских дорог и рассказывал о каких-нибудь битвах античности. По утрам Шарль любил ездить верхом или прокатиться в бричке. Иногда они с шурином играли в крокет или бадминтон. Главным же развлечением в Сетфонтэн была охота. Вандру приобщили к ней де Голля. Ходили на дичь и на кроликов. Командир батальона хорошо стрелял, но жалел лесную живность. После охоты к мужчинам присоединялись женщины и на лесной поляне устраивали пикник. Вечерами вся компания усаживалась за карты. Шарль прекрасно играл в бридж⁵⁰.

Любимым времяпрепровождением на отдыхе для де Голля все равно оставалась работа. Он усаживался на террасе дома, когда над ней спускалась тень от огромных тенистых лип, читал, делал выписки, наброски. Круг его интересов, как всегда, очень широк. Это и любимые Корнель, Ривароль, Вовенарг, Шатобриан, Ламартин, де Виньи и современные писатели — Франсуа Мориак, Поль Клодель, Жорж Дюамель, Андре Мальро, Поль Валери, Жорж Бернанос.

Де Голль наверняка познакомился с работами основателя «Аксён франсэз» Шарля Морраса, который выступал как активный поборник французского национализма и считал, что любой истинный француз превыше всего должен ценить свое отечество и сознавать свою национальную исключительность. Такие идеи должны были быть созвучны мировосприятию молодого военного. Тем не менее ни в одном из многочисленных произведений де Голля нет даже упоминаний о Моррассе.

У моря де Голль любил побыть наедине с собой. Он задумчиво сидел на утесе, смотрел на бьющиеся о берег волны и золотые лучи заката и что-то записывал в своем дневнике.

Общению с близкими де Голль всегда придавал очень большое значение. Вся жизнь он будет связан тесными узами теплых отношений со своими многочисленными родственниками и свойственниками. Настоящих друзей среди сослуживцев де Голль не имел. Наверное потому, что сам он никогда не был ординарным офицером. Его деятельность всегда выходила за рамки простой службы. Де Голль находил общий язык только с единомышленниками. И такие люди нашлись. Ими были два полковника в отставке, значительно старше его по возрасту. Первый — Эмиль Мейер, журналист и военный писатель, публикующий статьи во многих французских периодических изданиях. Второй — Люсьен Нашен, после окончания военной карьеры также посвятивший себя публицистической деятельности. Де Голль познакомился сначала с Мейером, затем с Нашеном. Между ними завязалась оживленная переписка⁵¹. Де Голль читал то, что они писали, посылал им свои опубликованные и неопубликованные работы, делился с ними размышлениями о происходящем, словом, доверял им во всем. На протяжении всего межвоенного периода Мейер и Нашен оставались самыми близкими де Голлю людьми.

Семья де Голлей давно разрослась. Все братья Шарля женились, имели детей*. Более всего он был привязан к сестре Мари-Аньес и младшему брату Пьеру, общался и с Жаком. Старший брат, Ксавье, держался несколько особняком. К отцу и матери все дети продолжали относиться с благоговением. Когда Жанна де Голль в 1927 году захотела совершить поездку в Лурд, известный центр паломничества в юго-западной Франции, все ее пятеро детей отправились вместе с ней. В этом месте культа Девы Марии, помогающей, по убеждению верующих, исцелению тела и души, а также внутреннему обновлению, Жанна де Голль благодарила Богородицу за то, что четыре ее сына вернулись живыми со страшной войны⁵².

* У де Голля было пятнадцать племянников и шесть племянниц. У его старшего брата Ксавье от первого брака родилось трое детей — Женевиэва, Жаклин и Роже. После кончины первой жены он повторно вступил в брак, в котором имел еще двух детей — Марию-Луизу и Анри. У сестры Мари-Аньес было семеро детей — Жозеф, Мишель, Мария-Тереза, Анри, Шарль, Пьер и Дени. У Жака было четыре сына — Франсуа, Бернар, Жан и Пьер. У Пьера — пятеро детей — Шанталь, Вероника, Оливье, Ален и Рене.

Шарль, воспитанный с детства в традициях веры, соблюдал католические ритуалы. Он очень переживал, когда в его 19-м егерском полку умер от менингита совсем молодой солдат-сирота. Так как у того не было родных, де Голль сам носил по егерю траур, не снимая в течение полугода черную повязку с левой руки⁵³.

1 января 1928 года в Трире Ивонна де Голль родила вторую дочь. Ее назвали Анной. Через некоторое время выяснилось, что девочка страдает умственной отсталостью. Она осталась инвалидом на всю жизнь. Болезнь Анны стала настоящим горем для всей семьи. Однако родители с достоинством и смирением несли свой тяжкий крест. Де Голль как-то сказал духовнику: «Для меня и моей жены это большое испытание. Но, поверьте, Анна одновременно — моя радость и моя сила. Она — милость божья в моей жизни. Она поддерживает во мне необходимость подчинения суверенной воле Бога»⁵⁴.

Командир 19-го егерского полка продолжал общение с маршалом Петэнном. Но их отношения уже не были безоблачными. Де Голль давно отдал Петэну рукопись «Солдата». Однако маршал не спешил с ее публикацией, вносил собственные коррективы и, вероятно, хотел привлечь для дальнейшей работы над ней других сотрудников своего штаба. Де Голля такая ситуация раздражала. Он осмелился высказать неудовольствие по этому поводу Петэну в письмах из Трира⁵⁵. В 1928 году автор «Солдата» забрал свою рукопись у маршала. Он явно хотел сохранить этот труд для себя, ему вообще претило находиться в подчиненном положении, да еще и лишенном определенности. Примерно в то же время де Голль записывает в дневнике фразу Микеланджело: «Тот, кто привык сопровождать, никогда не будет впереди»⁵⁶.

Находясь в Трире, де Голль продолжал наблюдать за тем, что происходит в Рейнской области. Уже в конце 20-х годов он понял, что Германия не собирается мириться с установленной после войны версальской системой мира в Европе. 21 декабря 1928 года командир егерского полка отмечал в письме к своему другу Эмилю Мейеру: «Рейнская армия* не останется здесь надолго. Определенные обстоятельства разбивают временные барьеры в Европе. Не следует сомневаться в том, что близок Аншлюсс, затем Германия во что бы то ни стало вернет себе то, что у нее отняли и присоединили к Польше. А после этого у нас потребуют Эльзас. Мне кажется, это просто предначертано»⁵⁷.

* Имеется в виду французская армия на Рейне.

Де Голль был абсолютно прав. В следующем году на посту председателя кабинета министров Раймона Пуанкаре сменил Аристид Бриан. В отличие от своего предшественника новый глава правительства не стал настаивать на строгом выполнении Германией условий Версальского мирного договора. Франция постепенно сокращала свое военное присутствие на оккупированном левом берегу Рейна. Одним из первых расформировали 19-й егерский полк. Его командир ждал нового назначения. Осенью 1929 года он получает приказ ехать в Ливан, подмандатную французскую территорию, полученную в итоге Первой мировой войны. Был ли де Голль кому-то неуютен? Ведь отправка офицера, закончившего Высшую военную школу, в колониальные войска могла расцениваться как ссылка. Но командир батальона не рассуждал. Ивонна и дети отправились с ним. Для маленькой больной Анны взяли няню.

Из Трира через Париж и Лион семья приехала в Марсель. В конце октября старый пароходик, носящий имя великого французского поэта — «Ламартин», — снялся с якоря и взял курс на восток. Де Голль пребывал в бодром настроении. Путешествие до места назначения было красивым и познавательным. Первая остановка — в Неаполе. Шарль, Ивонна и старшие дети посетили Помпеи и Геркуланум. Затем были Афины с экскурсией по Акрополю. Третью остановку «Ламартин» сделал в Стамбуле. Город потряс де Голлей огромными мечетями, а семилетний Филипп с восторгом смотрел на полки янычар, марширующие под медленную восточную музыку. Наконец они прибыли в Бейрут, где должны были прожить два года.

Семья поселилась в двухэтажном доме рядом с кедровой рощей. Де Голль поступил в распоряжение командующего французскими войсками в Ливане и Сирии генерала дю Гранру. Командир батальона работал в генеральном штабе, находившемся в Бейруте, но также много ездил по всей подмандатной территории с инспектированием войск. Он побывал в Джебель-Друзе на юге Ливана, где совсем недавно прошли массовые волнения местного населения, а также на севере и северо-востоке — в Дамаске, Хомсе, Хаме, Триполи.

Де Голль с интересом знакомится с обстановкой в Ливане и Сирии. Он пишет из Бейрута Эмилю Мейеру: «В Ливане спокойно, если, впрочем, можно так сказать о месте, где восточное сознание пребывает в состоянии вечного возбуждения, даже когда это не имеет кровавых последствий в данный момент. Местное население никогда и никем не быва-

ет довольно, но подчиняется воле более сильного, если она определенно выражена, и мандатной власти, которая на самом деле еще сама не решила, сколько времени она будет удерживать этот мандат. Такая ситуация приводит к постоянной неуверенности, царящей на всем Востоке»⁵⁸. Де Голль явно скептически расценивает возможность для французов надолго задержаться на Ближнем Востоке. В другом письме к тому же адресату он прямо заявляет: «Ливан — перекресток, через который проходит все: религии, армии, империи, торговля... Мы здесь уже десять лет. Но мне кажется, что мы не “проникнем” сюда никогда. Здешние люди — чужие для нас, так же как и мы для них. И так будет всегда... Здесь есть только один человек, который понимает, что такое Ливан и Сирия. Это полковник Катру»⁵⁹.

Де Голль не забывал, что находится на земле древних цивилизаций. Он побывал на руинах античной Антиохии, расположенной близ Антакии на границе с Турцией, из Дамаска проехал через пустыню в оазис, где находилась знаменитая Пальмира, от которой остались развалины многочисленных архитектурных памятников I—III веков нашей эры. Де Голль добрался до верховьев Евфрата и вместе с генералом дю Гранру — до Тигра. В письме отцу он поведал, что «вместе с генералом не без душевного волнения омыл руки в священных водах этой реки»⁶⁰.

О своих передвижениях де Голль сообщал и жене, которая оставалась с детьми в Бейруте. Он писал ей нежные письма, которые неизменно начинались словами: «Моя дорогая милая женушка». И далее: «Я люблю тебя всем сердцем... Никогда я не забуду, как ты поддерживала меня в тяжелые моменты...»⁶¹ Из Сирии де Голль неизменно возвращался через Халеб (Алеппо), город, сохраняющий на своих улицах памятники средневековой восточной культуры.

Находясь на Ближнем Востоке, де Голль не переставал писать. В Бейруте совместно с командиром батальона Ивонном он работал над большой статьей «История войск Ливана»⁶². Де Голль также давно задумал издать вторую книгу и изложить в ней свои жизненные принципы, которые отчасти уже опубликовал. Она была почти готова.

Из Бейрута де Голль пристально следил за развитием событий во Франции. Он всегда находился в курсе политических перемен в метрополии. Еще в конце 1929 года только что отбывший к новому месту назначения командир батальона живо отреагировал на формирование правительственного кабинета в столице во главе с правым политиком Андре Тардьё. С борта «Ламартина» он писал отцу: «Значит, теперь

очередь Тардые. Пусть использует свой шанс. Сможет ли этот участник переговоров в Версале и ученик Клемансо исправить нашу внутреннюю и внешнюю политику, которую Бриан и его трусливые поклонники сделали позорной и антинациональной»⁶³.

Де Голль нисколько не удивился выходу французской армии из Рейнской области. Летом 1930 года он поделился в письме отцу своими впечатлениями по этому поводу: «Эвакуацию с берегов Рейна так давно предвешали и ожидали, что общественное мнение даже не выразило никакой реакции на этот счет. Тон официальной Германии нам скоро покажет, что ей только этого и было нужно. А мы, утерев этот рычаг управления, уступим шаг за шагом весь Версальский договор»⁶⁴.

Весной 1931 года Шарль и Ивонна вместе с другими офицерскими семьями отправились в подмандатную Великобританию Палестину. Они совершили паломническую поездку, побывав в Иерусалиме, Вифлееме, Самарии и на Мертвом море. Французы вернулись потрясенными жестким противостоянием религиозных общин на Святой земле. Их, католиков, местные православные священники тоже встретили в штыки⁶⁵.

Летом того же года Ивонна с детьми вернулась на родину, чтобы Филипп и Элизабет могли начать новый учебный год в Париже. Сын пошел учиться в коллеж Станислас, где некогда проходил подготовку к Сен-Сиру его отец. Дочь отдали в школу при монастыре Нотр-Дам-де-Сион. Осенью во Францию вернулся и глава семейства.

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО

В ноябре 1931 года де Голль выходит на работу в Париже. Его назначили секретарем Высшего совета национальной обороны, постоянного органа при председателе кабинета министров, ведавшего подготовкой государственного аппарата и нации к войне. Совет размещался в величественном здании дворца Инвалидов. Де Голль был доволен новым местом работы и тем, что, наконец, снова стал парижанином.

Секретарь совета с радостью видится с родными и друзьями. Первым делом он едет в Сент-Адрес, небольшой нормандский городок, куда давно переехала его сестра с мужем и детьми. У них поселились также Анри и Жанна де Голль. Шарль был счастлив встрече с родителями.

Старший брат де Голля Ксавье, горный инженер, работал

в Саарской области. Младший, Пьер, — в Национальном банке Парижа. Шарля очень беспокоило состояние здоровья третьего брата, Жака, который страдал рассеянным склерозом. Эта тяжелая болезнь постепенно привела к тому, что он перестал двигаться.

В начале 1932 года де Голль завершает свою вторую книгу. Она называется «На острие шпаги»⁶⁶. Опубликовать труд опять согласилось издательство Берже-Левро. Де Голль хотел, чтобы книгу увидел его отец, поэтому с нетерпением ждал ее появления. Однако Анри де Голлю не суждено было дожить до этого важного события в жизни сына. Он скончался в Сент-Адресе 3 мая 1932 года в возрасте 83-х лет. Работа же увидела свет в июле.

В основу книги автор положил свои опубликованные и неопубликованные работы. В целом же — это размышления де Голля по поводу роли армии и личности в истории. Труд написан прекрасным языком, в возвышенном стиле, который свидетельствует о незаурядном литературном таланте автора. Чувствуется влияние на него идей Бергсона и Ницше. Де Голль явно решил представить на суд читателей свое жизненное кредо.

В книге «На острие шпаги» пять глав. Первая называется «О военной деятельности». В ней де Голль утверждает, что эта деятельность существовала во все времена, да и не могла не существовать, так как сами войны совершенно неизбежны. Он останавливается на стратегии многих известных военных командиров и объясняет те или иные их решения⁶⁷.

Очень любопытны две следующие главы книги — «О характере» и «О престиже», в которых автор представил свой идеал руководителя армии и вообще обрисовал настоящую сильную личность, вождя.

Эта личность должна, как считает де Голль, обладать врожденным талантом, интеллектом, интуицией, сильным характером, большим упорством. Такой человек «решительно становится хозяином действий, потому что, когда он вмешивается в них, они подчиняются ему. Находясь на высоте положения, он добивается успеха, а если ему не удастся выиграть, он берет на себя все тяготы, перенося их не без некоторого горького удовлетворения. Это борец, который находит в самом себе источник энергии и свою точку опоры, игрок, который больше стремится к успеху, чем к выигрышу, и платит свой долг собственными деньгами. Человек характера придает действию благородство»⁶⁸. Далее де Голль пишет, что такая личность никогда не боится трудностей и

даже ищет их. В повседневной жизни ее часто не понимают или отказываются понимать. «Но лишь только события приобретают грозный оборот, приближается опасность и дело общего спасения требует немедленной инициативы, готовности к риску, решительности, все сразу меняется, и справедливость вступает в свои права. Какая-то могучая волна выталкивает на передний край человека характера. Его советами пользуются, его таланты хвалят, и он становится нужным. Естественно, ему поручается труднейшая задача, главная роль, решающая миссия»⁶⁹. Не вызывает никакого сомнения, что к таким людям автор причислял себя и что в своей второй книге он как бы очерчивал путь, по которому мечтал следовать.

Де Голль считал, что настоящему вождю прежде всего необходим престиж и что любой великий человек должен поддерживать его всеми возможными средствами. Об этом глава «О престиже». Эпиграфом к ней стали слова французского писателя Вилье де Лиль-Адана: «В своей груди носи собственную славу». Автор пишет, что «престиж не может сохраняться без таинственности, ибо то, что слишком хорошо известно, не побуждает к преклонению. Необходимо, чтобы в замыслах, манерах, проявлениях ума содержалось нечто непонятное для других. То, что интригует, волнует, держит в напряжении. Подобная сдержанность души обычно невозможна без сдержанности в словах и жестах»⁷⁰.

В последних главах книги — «О доктрине» и «Политик и солдат» — де Голль возвращается к военной теме. Сначала он представляет краткий очерк развития военной мысли во Франции, а затем развивает идею, которую выдвинул еще в книге «Раздор в стане врага», — о соотношении государственной и военной власти. Автор пишет, что политик и солдат должны работать сообща и вместе вырабатывать четкую линию действий. Постоянно сотрудничать — это их долг⁷¹. Наконец, де Голль утверждает, что «любое предусмотрительное государство должно специально готовить политическую, административную и военную элиту. Именно она путем совместных усилий в случае необходимости сможет поддержать боевой дух всей нации»⁷².

Автор раздарил свою вторую книгу родным и знакомым. Ее получили Эмиль Мейер и Люсьен Нашен. Первый же экземпляр «На острие шпаги» был послан Петэну, к которому де Голль продолжал относиться с пиететом. Об этом свидетельствует посвящение автора маршалу, отпечатанное на специальном листе-вкладыше: «Этот труд, господин маршал, может быть посвящен только вам, потому что именно

ваша слава показывает, какие доблестные действия могут стать результатом просвещенной мысли»⁷³.

Де Голль, конечно, давно мечтал действовать согласно начертанным им же самим установкам и доказать всем, что он и есть «человек характера». Однако пока его жизнь протекала достаточно обыденно.

Секретарь совета снимал большую квартиру на бульваре Распай. Именно левый берег Сены стал для него родным. Знакомые с детства кварталы, дома, церкви, Люксембургский сад, суровые корпуса Высшей военной школы, раскинувшееся перед ними Марсово поле.

Семья де Голлей раз в месяц обязательно устраивает у себя небольшой прием. К ним в дом приходят Мейер и Нашен, близкий к политическим кругам адвокат Жан Обюртен, друг хозяина по Сен-Сиру Гюстав Дит. Появлялись и другие знакомые. Сам секретарь совета каждую субботу бывал у Эмиля Мейера, который собирал вокруг себя интересных мыслящих людей, военных писателей, философов. Он по существу организовал у себя дома кружок. К нему приходил даже Бергсон, которого однажды там встретил де Голль⁷⁴. Иногда автор «На острие шпаги» брал с собой к Мейеру сына.

Детьми занималась в основном Ивонна. Филипп и Элизабет были хорошо воспитаны. Их не баловали. Они относились с почтением к старшим, никогда не оспаривали решений отца и матери. Де Голль следил за образованием детей, стараясь дать им духовное развитие. Как некогда и его отец, он брал их с собой на прогулки по Парижу. Филипп и Элизабет бродили с ним по острову Сите, старинному кварталу Марэ и любовались красивыми парижскими церквями и особняками. Они бывали в музеях — Лувре, Клюни, Карнавале. Дети совершали с отцом поездки в известные столичные пригороды Версаль и Рамбуйе, а иногда ездили и гораздо дальше — к крепости Мальмезон и на места Верденской битвы.

В кино и театр Филипп и Элизабет ходили нечасто. Отец, сам очень любивший кинематограф, разрешал им смотреть только хорошие серьезные фильмы с Шарлем Буайе, Пьером Бланшаром, Мишелем Симоном, Жаном Габеном. В драматическом театре они бывали на пьесах французских классиков Корнеля, Расина, Мольера, Ростана. В опере слушали произведения выдающихся композиторов Гуно, Тома, Делиба, Бизе⁷⁵. Сам де Голль равнодушно относился к музыке, но с молодости помнил понравившиеся ему стихотворные отрывки арий. Как-то, когда дети пришли домой

после оперы «Миньон» Амбруаза Тома, отец им продекларировал кусочек из известного романса главной героини:

Connais-tu le pays où fleurit l'oranger,
Le pays des fruits d'or et des roses vermeilles
Où l'air est si doux et l'oiseau si léger
Qu'en toutes saisons butinent les abeilles?⁷⁶

Знаешь ли ты тот край, где цветут апельсины,
Там плоды золотые и розы пурпурные в небо глядят,
А воздух так нежен и птицы так дивны
И пчелы весь год над цветами жужжат*.

В мае 1932 года состоялись похороны президента республики Поля Думера. Это был человек с трагической судьбой. Все его четыре сына пали на полях сражений Первой мировой войны. А сам он погиб от руки русского белоэмигранта Павла Горгулова в Париже во время посещения выставки. Национальная траурная церемония проходила на эспланаде перед дворцом Инвалидов. Де Голль, работавший на третьем этаже здания, взял в этот день в свой кабинет Филиппа, чтобы мальчик смог увидеть происходящее, и даже дал ему большой полевой бинокль. Сын секретаря совета с любопытством разглядывал трех оставшихся в живых маршалов Франции. Луи Лиотей после тяжелого ранения, полученного во время Первой мировой войны, остался хромым, Луи Франше д'Эсперей потерял на фронте руку. Они медленно подошли к своим местам. В этот момент верхом на красивом коне подъехал третий маршал — Петэн. В свои семьдесят шесть лет он демонстрировал прекрасную физическую форму. Коллеги де Голля тихо переговаривались за спиной мальчика, и он услышал: «Двое других даже не скрывают, как они его ненавидят»⁷⁷.

Де Голль всегда находил время, чтобы побыть рядом с маленькой Анной. Он искренне любил эту больную девочку и старался ее развлечь, порадовать. Отец сажал дочку к себе на колени, пытался вложить в ее слабые ручки какую-нибудь красивую игрушку, что-то ей рассказывал и мог долго напевать простую песенку, понимая, что Анне это нравится.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

Ситуация в Европе становилась тревожной. В январе 1933 года в Германии пришел к власти Адольф Гитлер. Его реваншистские намерения были совершенно очевидны. По-

* Перевод автора.

кинув Лигу Наций и женевскую конференцию по разоружению*, Германия начала открыто наращивать свой военный потенциал.

Де Голль продолжает работать в Высшем совете национальной обороны. В 1933 году он получает чин подполковника. Ему дают задание разработать текст закона об организации государственных служб во время войны. Де Голль берется за дело самым серьезным образом. Прежде всего он изучает современную французскую стратегию и быстро понимает, что «в армии господствуют концепции, которых придерживались еще до окончания Первой мировой войны»⁷⁸. Речь шла об оборонительной стратегии. Ее разработал военный министр Андре Мажино в 1930 году после вывода французских войск с левого берега Рейна. Суть идеи состояла в том, чтобы построить вдоль франко-германской границы мощную фортификационную линию. Вскоре ее начали возводить, и она получила название «линия Мажино». Сооружение укреплений продолжалось вплоть до Второй мировой войны. На него затратили огромные финансовые средства, однако завершить строительство не удалось. Из-за протеста Бельгии вдоль франко-бельгийской границы фортификации вообще не воздвигали.

Оборонительная стратегия была одобрена высшими армейскими чинами и стала официальной военной доктриной Франции. Де Голль же сразу выступил против нее, поняв, что она может привести к непоправимым последствиям. Подполковник считал, что стратегия должна быть только наступательной. Он скрупулезно изучил труды современных военных, выдвигавших идеи по усовершенствованию и применению боевых машин. Среди них — работы французского генерала Этьена, английских генералов Фуллера и Лиддл Гарта, немецких генералов фон Секта и Гудериана⁷⁹. Де Голль приходит к твердому выводу, что для действенного сопротивления противнику во Франции должна быть создана маневренная армия, «в состав которой входили бы отборные механизированные и бронетанковые войска и которая должна существовать наряду с соединениями, комплектуемыми на основе мобилизации»⁸⁰.

Подполковник берется за перо. Он пишет статьи «Создадим профессиональную армию»⁸¹ и «Как создать профессиональную армию»⁸². А в 1934 году выходит главный труд де

* Лига Наций — международная организация, учрежденная в 1919 г. и имевшая целью гарантировать мир и безопасность. Конференция по разоружению проходила в Женеве в 1932—1935 гг.

Голля на эту тему — книга «За профессиональную армию»⁸³, опубликованная, как и две предыдущие, в издательстве Берже-Левро. В своей третьей книге де Голль прямо заявляет о необходимости создания профессиональной армии, способной противостоять любым атакам противника. Подполковник фактически первым во Франции предсказывает решающую роль танков в будущей войне, подчеркивая, что наличие танковых дивизий может перевернуть любую военную тактику. В четкой и лаконичной форме он излагает проект предлагаемой им реформы и указывает, что Франции необходимо создать по крайней мере шесть линейных и одну легкую, полностью моторизованную дивизию, что будет означать серьезную подготовку к возможной войне.

Де Голль отмечает, что провести военную реформу должно государство, как и вообще обратить внимание на свою армию. «Для государства в высшей степени политически недальновидно, — пишет он, — совершенно не поддерживать в армии идею больших свершений и вкус к широким замыслам. В результате, когда придет беда, напрасно родина станет искать людей, достойных победы. Победа дается только тем, кто всегда мечтал о ней»⁸⁴. Так подполковник стремится привлечь внимание не только к выдвинутой им идее, но и к себе самому.

В заключение книги де Голль вообще решается представить собственный портрет, вернее, портрет настоящего руководителя, каковым, по его мнению, он вполне способен стать: «Для того, чтобы в ближайшее время родилась профессиональная армия, для того, чтобы ей были заданы новые смысл и дух, нужно, чтобы появился настоящий руководитель, независимый в своих суждениях, непререкаемый в своих приказах, пользующийся доверием общественного мнения. Отстаивающий лишь государственные интересы, лишенный предрассудков, не думающий о завоевании сторонников, сосредоточенный только на своей задаче, проникнутый большими замыслами, вождь должен быть неотделим от армии, полностью концентрируя свое внимание на том, чем он командует, жаждущий нести ответственность. Им может быть только человек достаточно сильный, чтобы заставить признать себя, достаточно ловкий, чтобы нравиться, и достаточно талантливый, чтобы осуществить большое дело»⁸⁵.

Выход в свет книги «За профессиональную армию» не оправдал надежд ее автора. Как писал сам де Голль, она «вызвала некоторый интерес, но не породила ни малейшего энтузиазма. Поскольку была воспринята как чисто теорети-

ческий труд, которым соответствующие инстанции могут воспользоваться по своему усмотрению, в ней видели изложение весьма оригинальных взглядов. Никому и в голову не приходило, что на основе этих взглядов можно произвести практическую перестройку всего нашего военного аппарата»⁸⁶. Идеи, высказанные в книге, пропагандировали во французских периодических изданиях друзья де Голля — Эмиль Мейер, Люсьен Нашен, Жан Обюртен, журналист Реми Рур, с которым де Голль находился в плену во время Первой мировой войны. Однако в армейских кругах труд был встречен более чем прохладно. Многие военные расценивали мысли подполковника как никчемные, а некоторые офицеры даже считали его выскочкой. Оборонительной стратегии придерживался и маршал Петэн. Его отношения с бывшим протеже стали портиться.

Между тем на книгу «За профессиональную армию» быстро обратили внимание в Германии, чего ее автор хотел меньше всего. Генералы Кейтель, Браухич и Гудериан нашли ее идеи очень важными. Труд французского подполковника быстро перевели и представили Гитлеру.

В Советском Союзе книгой де Голля заинтересовался не кто иной, как Михаил Николаевич Тухачевский. Он сделал в СССР блестящую военную карьеру и в 1934 году в 41 год уже стал заместителем наркома обороны. Тухачевский, так же как и де Голль, интересовался вопросами современной военной стратегии. Он был знаком с трудами Лидл Гарта, Фулера, фон Секта и сам написал на эту тему не одну работу. Заместитель наркома внимательно прочитал книгу де Голля и рассмотрел ее основные положения в своей статье «Вопросы организации армий», опубликованной 23 февраля 1935 года в газете «Правда». В ней он назвал де Голля представителем «новой французской школы» и подчеркнул, что он «проповедует небольшую профессиональную армию»⁸⁷. Вероятнее всего, именно с подачи Тухачевского третья книга де Голля была переведена на русский язык и вышла в 1935 году в Государственном военном издательстве с предисловием известного советского военного историка генерала Михаила Романовича Галактионова.

Летом 1934 года в семье де Голлей происходит важное событие. Они покупают дом. Шарль и Ивонна давно думали обзавестись собственным очагом. Супруги хотели иметь не квартиру в Париже, а загородное владение. Они считали, что вдаль от городской суеты больная Анна будет чувствовать себя лучше, а старшие дети станут проводить там каникулы. И вот такое место де Голли нашли. По существу это

было небольшое имение — бывшая дворянская усадьба, окруженная земельным участком в два с половиной гектара, занятого лугом и лесопарком. Оно находилось в трехстах километрах от Парижа, в Шампани в департаменте Верхняя Марна. Имение называлось Буассери и стояло на краю деревни Коломбэ-ле-дэз-Эглиз*. К каменному трехэтажному просторному дому примыкали хозяйственные постройки. В имение совсем недавно подвели электричество. Водопровода и телефона не было. При покупке де Голлей привлекла доступность цены и согласие владелицы на оплату в рассрочку. Подполковнику очень нравилось и местонахождение имения. Его окружали холмы и леса. Именно здесь Цезарь осаждал лагерь непокорных галлов. В Средние века в Шампани жил Бернар Клервоский**. Наконец, гвардейцы Наполеона сражались в этих местах во время последней кампании императора в 1814 году.

Семья приехала в Коломбэ в июле 1934 года и начала постепенно обживать. Со временем для де Голля Буассери стало любимым местом пребывания. Ему нравилось там работать в тишине и покое. Помимо того, де Голль часами бродил по окрестным лесам, поддерживая таким образом свою физическую форму.

Де Голль утверждал: «Военная служба давала огромное удовлетворение моему сердцу и уму»⁸⁸. Но ведь он не был простым офицером. Подполковник прекрасно владел пером. Его сын Филипп спросил как-то отца: чем бы он занимался, если бы не был военным? Тот ответил мальчику: «Искусство писать всегда меня привлекало. Наверное, я стал бы журналистом или историком... Но, впрочем, я не смогу только сидеть за письменным столом. Рано или поздно я захочу принять участие в событиях»⁸⁹. Недаром он выписал в свой дневник слова Гёте «Талант формируется в одиночестве, характер — в обществе» и фразу Ламартина «Надо отстраниться от людей, чтобы мыслить, и быть среди них, чтобы действовать»⁹⁰.

После того как подполковник выдвинул собственную военную доктрину, он осознал, что время «участия в событиях», время действовать для него настало. Он был уверен в своей правоте и решил искать людей, которые помогли бы осуществить его идеи на практике. «Де Голль, — как писал его друг Люсьен Нашен, — всеми фибрами своей души пе-

* Буассери — дословно «находящаяся среди лесов», Коломбэ-ле-дэз-Эглиз — дословно «Коломбэ-две церкви».

** Бернар Клервоский (1090—1153) — французский теолог, мистик, аббат монастыря в Клерво, вдохновитель второго Крестового похода.

реживал за Францию и понимал, каким кошмаром может обернуться для нее поражение. Он просто содрогался от сознания того, что дерзкий неприятель прекрасно видит всю слабость нашей военной системы, которая одна могла бы помешать врагу реализовать свои амбиции. Де Голль считал, что обязан подать сигнал тревоги»⁹¹.

Подполковник понял, что обращаться к высшим военным чинам бесполезно. В своем большинстве они не хотели ничего слышать о нем. Де Голль решил убедить в необходимости военной реформы политических деятелей. В конечном счете только они могли принять решение о ее проведении. Но к кому именно было обращаться?

Де Голль прекрасно осознавал, насколько слаба французская политическая система. «Во главе министерских кабинетов я видел, — писал он, — несомненно, достойных, а порою и исключительно талантливых людей. Но особенности самого политического режима сковывали их возможности и приводили к напрасной трате сил. Молчаливый, но отнюдь не безучастный свидетель всех перипетий политической жизни, я наблюдал, как постоянно повторяется одна и та же игра. Едва приступив к исполнению своих обязанностей, глава правительства сразу же сталкивался с бесчисленным количеством всевозможных требований, нападок и претензий. Всю свою энергию он безрезультатно тратил на то, чтобы положить им конец. Со стороны парламента он не только не встречал поддержки, но, наоборот, последний строил ему различные козни и действовал заодно с его противниками. Среди своих же собственных министров он находил соперников. Общественное мнение, пресса, отдельные группировки, выражавшие частные интересы, считали его виновником всех бед. При этом все знали — и он в первую очередь, — что дни его пребывания на посту главы правительства сочтены: продержавшись несколько месяцев у власти, он вынужден будет уступить свое место другому»⁹².

Несмотря на такую ситуацию, де Голль все же решился обратиться к влиятельным политикам. Он встречался с бывшим президентом республики Александром Мильераном, бывшими председателями совета министров Аристидом Брианом, Андре Тардьё, Камилем Шотаном. Его выслушивали, но предпринять что-либо отказывались.

И вот в конце 1934 года друг де Голля Жан Обюртен познакомил его с известным правым политическим деятелем Полем Рейно. Первая встреча де Голля с ним состоялась в декабре 1934 года. Впоследствии Рейно вспоминал: «В мой кабинет вошел подполковник высокого роста... Взгляд его

глубоко посаженных карих глаз излучал уверенное спокойствие. Он заговорил об устаревшей и дряхлой военной системе, которую правительство пытается “залатать” путем продления срока военной службы. Я почувствовал, как он устал даже от воспоминаний о том, сколько людей отказалось принять его доказательства. Однако он твердо решил стоять на своем до конца. Де Голль говорил спокойным мягким голосом, что казалось несоответствующим его большому телу. Но он умел заставить признать свои убеждения. Когда де Голль наклонял голову вперед и разводил ладонями, создавалось впечатление, что он весь пронизан какой-то неудержимой очевидностью»⁹³.

Поль Рейно проникся идеей де Голля о создании механизированных подразделений во французской армии и решил содействовать ее осуществлению. Между политиком и подполковником завязывается оживленная переписка⁹⁴. Время от времени Рейно и де Голль встречаются. Подполковник знакомится также с сотрудником личной канцелярии кабинета Рейно Гастоном Палевски и общается с ним. Палевски представил в своих мемуарах де Голля таким, каким он его впервые увидел в 1935 году: «Высокий, спокойный, всегда владеющий собой, воодушевленный собственной идеей, которая требовала от него неустанно действовать. Он был убежден, что Франции угрожает опасность и спасти ее может только его стратегическая концепция о необходимости реформы в армии»⁹⁵.

Рейно до 1940 года не входил в состав кабинета министров, но, будучи депутатом, отстаивал идеи подполковника в парламенте. Де Голль был этим доволен и почти неизменно приходил в Палату депутатов послушать речи Рейно. Подполковник надеялся, что они возымеют действие. После одного из таких выступлений де Голль пишет Рейно: «...в том, что касается вашей позиции по военной проблеме, то совершенно очевидно, что к ней прислушиваются и ею заинтересовались. Вас теперь расценивают как настоящего государственного деятеля, который при всеобщем бездействии имеет идеи, программу и мужество»⁹⁶.

К сожалению, де Голль, скорее, принимал желаемое за действительное. Рейно активно пропагандировал его взгляды и даже выдвинул в Палате депутатов проект закона «О немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной моторизованной дивизии, резервов общего подчинения и служб», подготовленного, конечно, де Голлем. Но проект приняли однозначно отрицательно в военных кругах и о нем скоро забыли. Рейно отмечал впослед-

ствии: «Если бы я был у власти, я бы создал бронетанковый корпус, потому что понимал, что он совершенно необходим. Но я не смог сделать то, что замыслил де Голль. А ведь именно таким должно было бы быть сотрудничество военного и политика. Находясь в оппозиции, я мог только предлагать усилия к тому, чтобы у наших руководителей открылись глаза. Я и делал это в течение нескольких лет. И все напрасно»⁹⁷.

В феврале 1936 года де Голль встретился с одним из своих товарищей по плену, которого не видел восемнадцать лет. Это был Тухачевский. Он приехал в Париж в качестве главы военной делегации СССР после подписания Советско-французского договора о ненападении и вел, в частности, переговоры о возможном подкреплении его военной конвенцией между Советским Союзом и Францией. Тухачевскому едва исполнилось 43 года. Несколько месяцев назад он стал маршалом. В Париже была организована встреча Тухачевского с бывшими узниками Ингольштадта. Туда пригласили и де Голля. Маршал сразу узнал сокамерника. Они смогли немного побеседовать о Советско-французском договоре и книге де Голля «За профессиональную армию»⁹⁸. Мог ли тогда предположить французский подполковник, что этот рослый, широкоплечий, с отличной военной выправкой красавец маршал менее чем через полтора года будет обвинен в организации «антисоветского военно-троцкистского заговора» и расстрелян?

Между тем обстановка на восточной границе Франции осложнялась. В марте 1936 года Германия оккупировала демилитаризованную Рейнскую зону. Гитлер объявил у себя в стране всеобщую воинскую повинность и начал производство танков, самолетов, подводных лодок. С Версальским договором по существу было покончено. Во Франции к власти пришло правительство Народного фронта. Де Голль, крайне обеспокоенный международной ситуацией, добился встречи с председателем правительства социалистом Леоном Блюмом. Он представил ему свой план реформы армии. Однако глава кабинета не счел нужным прислушаться к мнению подполковника. Де Голль, естественно, был разочарован.

К осени 1936 года подполковник подготовил очередной проект закона об организации служб страны во время войны⁹⁹. Он пристально следит за развитием ситуации в Европе и высказывает свои суждения по поводу важнейших международных событий. 20 декабря 1936 года де Голль отправляет матери длинное содержательное письмо, в котором прежде всего оценивает Советско-французский договор о

ненападении. «Вы спрашиваете меня, моя дорогая матушка, — пишет он, — что я думаю о “Франко-русском пакте”? Мой ответ будет очень прост. Мы быстро продвигаемся к войне с Германией, и, по мере того как обстоятельства будут оборачиваться против нас, Италия обязательно воспользуется этим, чтобы нанести нам удар в спину. А ведь нужно выжить. Все остальное проза. Хочу вас спросить, кто сможет нам помочь с оружием в руках? Польша не представляет из себя ничего, да к тому же ведет двойную игру. У Англии есть флот, но нет армии. Ее авиация отстает. Поэтому мы не имеем никакой возможности отказываться от помощи русских, какой бы ужас нам ни внушал их режим...

Я знаю, что ловкая и настойчивая пропаганда Гитлера произвела эффект. Многие люди во Франции поверили, что он хочет с нами мира. Взамен ему надо лишь уступить Центральную Европу и Украину. Но я абсолютно убежден, что это — лицемерие и что главная его цель — изолировать и раздавить Францию, как он и написал в «Майн Кампф». Поэтому мы должны соглашаться на помощь любого в нашей борьбе против Германии, даже русских военных сил».

Далее де Голль заключает: «Да, Гитлер оставит нас в покое, пока будет добиваться гегемонии во всей остальной Европе. Но как можно надеяться, что после этого он сохранит за нами Эльзас и наши колонии? Вот тогда мы и останемся с ним один на один, без всякой помощи и будем вынуждены или покориться ему, или безнадежно пасть на поле битвы. Нужно иметь смелость смотреть правде в глаза. Все сейчас должно быть подчинено лишь одной цели: собрать вместе против Германии всех, кто готов противостоять ей, преградить ей путь к войне и, если она ее все-таки развяжет, победить»¹⁰⁰. Слова подполковника оказались пророческими. Но, как известно, «нет пророка в своем отечестве».

В следующем году де Голль, не без вмешательства Рейно, получает чин полковника и новое назначение. Его отправляют в город Мец, расположенный близ границы с Германией, и ставят во главе 507-го танкового полка. Он покидает Париж с женой и Анной. Старших детей родители решают перевести в интернат, чтобы они смогли завершить среднее образование в столице.

В Меце де Голль с воодушевлением берется за дело. На вооружении французской армии было буквально считанное число танков нового образца. 507-й полк как раз имел их в своем составе. В ноябре 1937 года полковник пишет в Париж Жану Обюртену: «Я думаю только о моторизованных войсках. 11 ноября на Эспланаде я продемонстрировал ско-

рость 63-х современных танков. Это произвело большое впечатление»¹⁰¹. Де Голль надеется, что в политических кругах страны осознают необходимость создания мощных танковых корпусов.

Полковник продолжает переписку с Полем Рейно, время от времени наезжает в Париж. В столице он останавливается у брата Пьера и обязательно встречается с кем-нибудь из друзей или знакомых. В марте 1938 года председателем совета министров опять становится Блюм. Де Голль добивается встречи с ним, однако снова наталкивается на непонимание главы кабинета. 24 марта полковник в письме из Меца Люсьену Нашену с удивлением замечает: «Как Леон Блюм, политический деятель такого масштаба и пришедший к власти именно в данный момент, не понимает, что основная причина наших внешних неудач кроется в военной бессилии из-за нелепой организации военной системы в целом? Почему он не хочет признать, что существует трагическое противоречие между политическими и моральными обязательствами, которые мы должны будем выполнить, и военной беспомощностью, из-за которой не сможем это сделать? Неужели 7 марта 1936 года, 11 марта 1938 года, события в Испании* не показали ему, что у Франции отсутствует готовое ударное маневренное средство, о котором ваш покорный слуга твердит пять лет вопреки конформистам всех мастей?»¹⁰² Надо сказать, что менее чем через три года и сам Блюм признал, что был не прав. В своих мемуарах, написанных в фашистских застенках во время войны, он подчеркнул: «Я виноват в том, что был против идей полковника де Голля»¹⁰³.

Командир 507-го танкового полка почти ежедневно находится на полигоне, руководя учениями подчиненных ему младших офицеров и солдат. Его даже прозвали «полковник Мотор». И все же он оставляет себе свободное время для работы за письменным столом. Де Голль твердо решил издать труд, написанный когда-то для маршала Петэна. Он переработал пять глав книги, которые отдавал маршалу, — «Истоки», «Старый порядок», «Революция», «Наполеон», «От одного поражения к другому». К ним де Голль приписал еще две — «К реваншу» и «Великая война». В последней главе автор останавливался не только на событиях Первой мировой войны, но и говорил о войне будущей, которую считал неизбежной. Он еще раз заявлял с присущими ему твердостью

* 7 марта 1936 г. Германия оккупировала демилитаризованную Рейнскую область, 11 марта 1938 г. — осуществила аншлюс Австрии. В 1936 г. началась Гражданская война в Испании.

и упорством о необходимости скорейшего создания танковых войск и авиации, придавая им в грядущей войне решающее значение. Полковник называет свою четвертую книгу «Франция и ее армия»¹⁰⁴. Ее соглашается выпустить в свет известное издательство «Плон».

Прежде чем опубликовать труд, де Голль считает своим долгом до конца выяснить отношения с Петэном, которому принадлежала идея ее написания. 2 августа 1938 года полковник посылает маршалу письмо, в котором сообщает о намерении опубликовать книгу, подчеркивая, что он не забыл об истории работы над ней¹⁰⁵. Де Голль даже предлагает Петэну написать, а вернее подписать к ней предисловие, где могли бы быть отмечены и «заслуги» самого маршала в данном труде. Петэн прислал полковнику ответ и выразил свое удивление и неудовольствие по поводу предстоящей публикации. Тогда де Голль 18 августа отправляет маршалу второе послание, в котором отстаивает право на авторство. Мало того, полковник обрушивается на восьмидесятидвухлетнего Петэна все, что думает об их «совместном сотрудничестве» над книгой, и обо всем, что у него наболело за годы военной карьеры. Сначала де Голль страстно уверяет маршала, что по тексту совершенно очевидно, чьему перу написанное принадлежит, и затем добавляет: «Господин Маршал, не вдаваясь в подробности о том, почему Вы одиннадцать лет назад решили положить конец нашему сотрудничеству, я думаю, от Вас не ускользнуло, что в течение прошедшего времени обстоятельства в том, что касается меня, сильно переменились. Мне было 37 лет. Сейчас 48. Я получал моральные оскорбления — даже от Вас, Господин Маршал, теперь я избавился от иллюзий, забыл об амбициях. Мои идеи и мой стиль никто не воспринимал, я чувствовал, что меня просто не существует. Но отныне во мне отсутствует и мягкотелость и инкогнито, которые необходимы для того, чтобы позволить записать на счет другого свой литературный и исторический талант.

И теперь остается, Господин Маршал, только констатировать, что Вы стояли у истоков этого произведения и что во многих отношениях Ваше влияние было распространено на те главы, которые относятся к прошлому. Теперь я хочу только прямо и публично признать это»¹⁰⁶.

В конце августа де Голль встретился с Петэном в Париже и окончательно расставил все точки над «и» в их отношениях. Он просто сообщил маршалу о том, что на первой странице книги опубликует небольшой текст, в котором отдаст дань их давнему сотрудничеству¹⁰⁷. Полковник сдержал

слово. На титульном листе первого издания книги «Франция и ее армия» есть посвящение: «Господину маршалу Петэну, который хотел, чтобы эта книга была написана и возглавлял своими советами редакцию первых пяти глав. Благодаря ему две последние главы являются историей нашей победы».

Одну из глав нового труда де Голля захотел опубликовать в «Журнале пехоты» ее главный редактор полковник Кено. Командир 507-го танкового полка послал ему в августе из Меца в Париж гранки. Кено выбрал главу «Наполеон». Де Голль был доволен, но в коротком благодарственном письме не удержался от такого сравнения: «Гитлер — не Наполеон. Он никогда не выигрывал ни одной битвы. Его могущество зиждется на трусости других»¹⁰⁸. Гранки своей четвертой книги де Голль отправил и Эмилю Мейеру, чье мнение полковник очень ценил. С Мейером же командир 507-го танкового полка и поделился своими первыми ощущениями после подписания председателем совета министров Франции Эдуаром Даладьё в сентябре 1938 года совместно с Чемберленом, Гитлером и Муссолини Мюнхенского соглашения. 21 сентября полковник сообщал другу: «Как француз и как солдат я просто сгораю от стыда из-за капитуляции нашей страны без всякого боя»¹⁰⁹. Книга де Голля увидела свет в самом конце сентября. Через полтора месяца Эмиль Мейер умер. Полковник тяжело переживал утрату.

Мюнхенский договор произвел на де Голля настолько удручающее впечатление, что он еще не раз говорил об этом. 1 октября 1938 года он пишет жене в Коломбэ: «Ну вот вам и ослабление напряженности. Французы просто как скворцы испускают крики радости, в то время как немецкие войска триумфально входят на территорию государства, которое мы сами же образовали. Оно было нашим союзником. Мы гарантировали его границы, мы привыкаем к унижению и отступлению до такой степени, что это просто становится нашей второй натурой, поэтому и выпьем свою чашу до дна»¹¹⁰. Чуть позднее, в ноябре, в письме к зятю Альфреду Кайо де Голль констатирует: «Мы, Франция — на краю пропасти»¹¹¹. А еще через две недели полковник пишет товарищу по плену, журналисту Реми Руру: «Какая драма, мой дорогой друг, этот медленный упадок Франции, хотя после победы мы, наоборот, должны были бы идти к возрождению! А ведь у нашей страны есть огромные нетронутые ресурсы. Сентябрьский призыв в армию это доказал, в то же время какое предательство элиты! Для нашей военной силы

как наземной, так и воздушной, во избежание поражения, сейчас так необходим Лувуа»^{112*}.

В Меце вместе со своими подчиненными де Голль продолжал осваивать нелегкое ремесло танкиста. В конце 1938 года в 507-й полк прибыл генеральный инспектор танковых войск генерал Рене Мартен. В его лице полковник нашел единомышленника. В своем отчете Мартен подчеркивал: «...в настоящее время мы располагаем всего лишь 966 легкими танками и 153 тяжелыми... нам же нужно иметь по крайней мере 1600 легких и 800 тяжелых машин... Необходимо указать, что этот изъян может привести к самым тяжелым последствиям»¹¹³.

Де Голль оценил серьезность проведенной инспектором работы и был благодарен ему. Когда в середине 1939 года генерала Мартена назначили командующим армейским корпусом, полковник отправил ему поздравление и от имени своего полка: «Танки, конечно, огорчены, что не будут теперь служить непосредственно под вашим началом. Но они понимают, что такое повышение свидетельствует о вашей благосклонности к ним и внушает им надежды на будущее»¹¹⁴.

В первой половине 1939 года Гитлер оккупировал Чехословакию. В том, что новая мировая война неизбежна, почти никто не сомневался. Уверенность де Голля, что выиграть ее Франция сможет, лишь имея на вооружении мощные танковые корпуса, только росла. В конце апреля в письме полковнику Кено он утверждал: «...нужно, чтобы наши враги ... ввязались в войну с большим шансом проиграть ее. Вы знаете мои идеи и мою концепцию — более твердую, чем когда-либо — что мы могли бы избежать многих дипломатических неудач, если бы наша армия была организована по-другому... Вся история нашего времени в этом.

В любом случае, 507-й танковый полк готов физически и морально к любой задаче, которая может быть перед ним поставлена.

До свидания, мой дорогой Кено. Продолжайте издавать “Журнал пехоты” в том же духе. И поверьте мне, в том, что касается танков, Вы должны быть очень благоразумны в Ваших оценках, потому что будущее заставит нас внести большие изменения в нашу современную доктрину их использования»¹¹⁵.

* *Лувуа, Франсуа Мишель* (1641—1691) — французский государственный и военный деятель. Провел крупную военную реформу, превратившую французскую армию в регулярную.

В июле 1939 года командир 507-го танкового полка подготавливает очередной письменный текст о военной организации Франции. Он отправляет его Полю Рейно, который хотел изложить концепцию де Голля в своей книге. Полковник прямо указывает: «Главное усилие по вооружению Франции должно быть направлено на развитие механизированной силы. Это касается и ее производства и подготовки командного состава»¹¹⁶. С публикацией книги Рейно пришлось повременить. Через два месяца Франция вступила в войну.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Франция и Великобритания сразу объявили войну Германии. Поляки были разгромлены фашистами за две недели. Польша не получила от своих «гарантов», Франции и Англии, никакой реальной военной помощи.

Во Франции у власти стоял кабинет правого радикала Эдуара Даладье. Главнокомандующим объединенными франко-британскими военными силами был назначен генерал Гамелен. Однако противники Гитлера не брали на себя никакой военной инициативы. С сентября 1939-го по май 1940 года на Западном фронте военные действия не велись. Французы называли это время «странной войной».

Де Голль в сентябре назначили командующим танковыми войсками 5-й армии, стоявшей в Эльзасе. Он прибыл на место и был поражен полнейшим бездействием военного руководства. Ничего не изменилось и после посещения войск 5-й армии 23 октября президентом республики Альбером Лебреном. В январе 1940 года крайне обеспокоенный таким положением де Голль решает направить меморандум восьмидесяти видным политическим и военным деятелям Франции¹¹⁷. В нем он пишет о крайне опасном положении страны и необходимости принятия немедленных энергичных мер. «Французский народ, — настаивал де Голль, — ни в коем случае не должен питать иллюзий, будто бы нынешний отказ наших вооруженных сил от наступательной доктрины соответствует характеру начавшейся войны. Как раз наоборот. Мотор придает современным средствам уничтожения такую мощь, такую скорость, такой радиус действия, что уже начавшаяся война рано или поздно по размаху и стремительности маневра, внезапных атак, по масштабам вторжения и преследования намного превзойдет все, что было наиболее замечательного с этой точки зрения в прошлом...

Не следует заблуждаться! Эта война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю»¹¹⁸.

Большого впечатления меморандум де Голля на француз не произвел. Отношение к полковнику и его идеям в политических и военных кругах оставалось если не отрицательным, то равнодушным.

21 марта 1940 года новый кабинет сформировал Поль Рейно. Палата депутатов утвердила его правительство большинством всего в один голос. Рейно хотел назначить де Голля секретарем только что созданного Военного комитета и вызвал его в Париж. Но этому воспротивился бывший глава правительства Даладье, ставший министром национальной обороны. Во время своего краткого пребывания в столице де Голль встретился с главнокомандующим генералом Гамеленом. Они обсудили ситуацию. У генерала она никаких опасений не вызывала. В самом начале апреля полковник вернулся в свою часть в Эльзасе.

10 мая Германия начала массированное наступление на Западном фронте. Она нанесла удар по Франции через территории Бельгии и Нидерландов и в районе города Седан, где заканчивались укрепления «линии Мажино». Немцам противостояли разрозненные армии Франции, Бельгии и Голландии, а также английский экспедиционный корпус. Англо-французские войска в районе Дюнкерка попали в окружение. Британский корпус эвакуировался с помощью французского флота. Сухопутная армия Франции постепенно отступала.

Де Голль 11 мая получил приказ принять командование только что сформированной из разрозненных частей 4-й бронетанковой дивизией. Его дети, Филипп и Элизабет, находились в Париже. Сын готовился к поступлению в высшую Морскую школу, дочь начала сдавать экзамены на бакалавра. Ивонна с Анной жили в Коломбэ. 14 мая полковник на несколько часов заехал в столицу, чтобы получить указания главнокомандующего. Он успел повидаться с сыном и уехал на фронт. В своем дневнике де Голль записал: «10 мая началась война машин. На небе и на суше главное — это механизированная сила. Противник имеет над нами преимущество. Его успехи базируются на танковых дивизиях и штурмовой авиации. И ничего другого»¹¹⁹.

15 мая полковник срочно знакомится с положением вверенных ему войск в районе городка Лан, северо-западнее Реймса. Он находит несколько минут, чтобы послать весточку жене: «Вот я и на передовой... События очень серьезны.

Я надеюсь, что мы сможем добиться превосходства. И тем не менее можно ожидать всего»¹²⁰. Де Голль решает во что бы то ни стало начать наступление. Его дивизия продвигается на запад и пытается разбить противника, имеющего явный перевес в танках, артиллерии и авиации. Танкисты де Голля идут вперед и подходят к городу Абвиль на Сомме.

Север Франции всегда был для командира дивизии родным. Он родился в Лилле, начал военную службу в Аррасе, защищал родину под Верденом, женился в Кале, любил проводить отпуска в Сетфонтэне, служил в Меце. Да и Коломбэ находилось на северо-востоке страны. И вот теперь Абвиль. Опять задрожала эта многострадальная французская земля, только не от канонады, как в 1916 году, а от бесконечного хода гусениц вражеских танков. Полковник вспоминал прошедшие годы, думал о своей семье. 21 мая, в канун сорокалетия жены, он отправляет ей в Коломбэ небольшое письмо: «В день твоего праздника я веду бесконечный бой. Он стал счастливым, что для нас такая редкость в этой войне. Ивонна, я мысленно посылаю тебе самые нежные слова»¹²¹.

Ценой невероятных усилий дивизии де Голля удалось остановить под Абвилем наступление немцев¹²². Свой штаб полковник расположил в небольшом особняке в местечке Юппи. Командир занимал отдельную комнату. Он оценивал обстановку, принимал решения, отдавал приказы и распоряжения, отправляя с ними связных адъютантов. Ни минуты покоя. Ночью де Голль мог только немного вздремнуть в кресле, вытянув ноги, обутые в кожаные сапоги. Полковник много дней не снимал одежды. Чтобы чуть-чуть расслабиться, он лишь расстегивал ремень на своей каске танкиста и воротник пятнистого комбинезона. «Сейчас у нашей дивизии временная передышка, — сообщал де Голль жене 27 мая, — я все время думаю о тебе и о детях. Пусть Филипп и Элизабет напишут мне хоть словечко»¹²³.

За проявленное мужество в конце мая де Голль был произведен в бригадные генералы. Французский главнокомандующий генерал Вейган, сменивший 20 мая на этом посту Гамелена, отметил командира 4-й бронетанковой дивизии в приказе по армии: «Замечательный, смелый и инициативный руководитель. Атаковал сильно укрепленный мост к югу от Абвиля, сломил сопротивление немцев, продвинулся на 14 километров в глубь неприятельских линий и захватил несколько сот пленных и значительное военное имущество»¹²⁴.

Достигнутый под Абвилем успех оказался недолгим. Немецкие войска наступали по всей линии фронта. Французы

не смогли противостоять их натиску. Де Голль держал жену в курсе своих дел и делился с ней своими мыслями. 2 июня генерал пишет Ивонне: «После 15 мая я спал только три ночи. Но сейчас важно лишь одно: спасти Францию. Милая, обнимаю тебя всей моей любящей душой»¹²⁵. 5 июня де Голль уже с тревогой подчеркивает: «Я вижу, что новое усилие врага очень серьезно. Я еще питаю надежды, что оно не будет для нас таким ужасным, как первое, и все же можно предположить, что оно опять плохо кончится»¹²⁶.

В тот же день Поль Рейно переформировал свой кабинет. Он назначил де Голля заместителем военного министра. 6 июня за ним на фронт прислали машину, и он отбыл в столицу. Перед отъездом де Голль быстро попрощался с подчиненными офицерами и снял с головы каску танкиста. В Париже его ждала другая форма — кепи бригадного генерала с двумя звездами и новые испытания.

7 июня де Голль прибыл в военное министерство на улице Сен-Доминик рядом с дворцом Инвалидов. Он занял полагающийся ему кабинет, куда привез свои бумаги и некоторые дорогие его памяти вещи. В тот же день генерал встретился с Рейно и понял, что глава правительства, несмотря на большие неудачи французской армии на фронте, намерен продолжать войну. Тем не менее в кабинете министров царили пораженческие настроения. В его состав был введен маршал Петэн, сторонник перемирия с Германией. Рейно объяснил, что был вынужден считаться с единственным маршалом Франции. Главнокомандующий генерал Вейган полностью солидаризировался с Петэном.

Рейно поручил де Голлю лететь в Лондон, чтобы встретиться с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и добиться от него новой военной помощи. Перед отъездом генерал успел повидаться с сыном. Де Голль знал, что жена с Анной по его настоянию уже покинули Колombs, которое могло оказаться в тылу врага. Они отправились в Бретань к одной из теток Ивонны. Генерал хотел, чтобы Филипп и Элизабет срочно покинули Париж и присоединились к матери.

9 июня де Голль прибыл в Лондон, где на Даунинг-стрит его принял Черчилль. Это была их первая встреча. Премьер-министр Великобритании произвел на генерала большое впечатление. «Черчилль, — отмечал де Голль в своих мемуарах, — показался мне человеком, которому по плечу самая трудная задача, только бы она была при этом грандиозной. Уверенность его суждений, широкая эрудиция, знание большинства проблем, стран, людей, о которых шла речь, нако-

нец, огромный интерес к военным вопросам проявились в ходе беседы в полной мере. Кроме всего прочего, по своему характеру Черчилль был создан для того, чтобы действовать, рисковать, влиять на ход событий, причем решительно и без стеснений. Словом, я нашел, что ему вполне соответствует роль вождя и военачальника. Таковы были мои первые впечатления. Впоследствии они подтвердились»¹²⁷.

Собеседники обменялись впечатлениями о сложившейся ситуации. Английский премьер-министр не верил, что ее еще можно переломить. Помощи Франции он не обещал. К ночи генерал вернулся в Париж. 10 июня он узнал, что немецкая армия находится в верховьях Сены и движется к столице. Мало того, войну Франции объявила Италия. По словам де Голля, «наступила предсмертная агония»¹²⁸.

Такие обстоятельства сломили многих людей как в военных, так и в правительственных кругах. Но не заместителя военного министра. Он твердо решил, что будет сражаться за Францию до конца и ни за что не сдастся на милость победителя. Генерал выдвинул идею переезда правительства в Алжир и продолжения войны, базируясь на территориях французских колоний. Рейно его одобрил. Де Голль предложил главе кабинета сменить главнокомандующего, который не хотел продолжения войны, но Рейно не решился это сделать. Вечером правительство покинуло Париж и отправилось в Тур.

11 июня в ставке главнокомандующего в городке Бриар на Луаре прошло заседание кабинета министров. Туда же прибыл Черчилль, занявший, по выражению де Голля, «позицию сочувственного выжидания»¹²⁹. По существу английский премьер дал свое согласие на сепаратное перемирие Франции с Германией. 13 июня в Туре состоялось еще одно совещание. Туда опять приехал Черчилль в сопровождении нескольких британских министров и генерала Спирса. Де Голль присоединился к заседавшим только во второй половине дня. Позднее он узнал, как нелестно утром маршал Петэн характеризовал его перед англичанами: «Де Голль считает, что один разбирается в механизированных войсках. Из-за собственного тщеславия он думает, что военное искусство не имеет для него никаких секретов... Я знаю о нем все. У него нет друзей среди военных. И это не удивительно. Он всегда смотрит на людей сверху вниз. Еще в Сен-Сире его прозвали Коннетабль»¹³⁰. Но Черчилля пока не интересовало, что из себя представляет де Голль. Он прибыл в Тур, чтобы получить гарантии относительно того, что огромный французский флот не будет передан немцам. Его заверили в этом, и он вернулся в Лондон.

14 июня немцы вступили в Париж, а кабинет министров Франции переехал из Тура в Бордо. Как заметил де Голль, «с того дня... государственная власть находилась в состоянии коллапса, что выражалось в беспорядочном бегстве по дорогам, в расстройстве всех тыловых служб, в нарушении дисциплины во всех областях жизни и во всеобщей растерянности»¹³¹. Но даже в такой ситуации он продолжал верить Рейно, что не все потеряно. В записке от 14 июня, адресованной председателю кабинета, генерал утверждал: «Я уверен, что, продолжая войну, сначала в метрополии, а затем на территории Империи и наших союзников, мы сможем прийти, несмотря на страшные испытания, к конечной победе»¹³².

В этот же день де Голль в последний раз в жизни мельком увиделся с маршалом Петэном. Они молча пожали друг другу руки. Генерал долго размышлял о жизненном пути маршала и после войны написал в своих мемуарах: «Какая сила влекла его навстречу столь роковой судьбе! Вся жизнь этого незаурядного человека была сплошным самоотречением. Слишком гордый для того, чтобы заниматься интригами, слишком значительный, чтобы мириться с второстепенной ролью, слишком самолюбивый, чтобы выслуживаться, в душе он был одержим жаждой власти, которую в нем разжигали сознание собственного превосходства, препятствия на его пути, высокомерное презрение к другим. Было время, когда военная слава щедро осыпала его своими коварными дарами. Но это не принесло ему удовлетворения, потому что он был не единственным ее баловнем. И вот внезапно, уже на склоне лет, события предоставили его талантам и его честолюбию столь вождеденную возможность развернуться во всю ширь. Однако он мог достигнуть своего возвышения лишь ценою падения Франции, увенчав ее позор своею славой»¹³³.

Поздно вечером того же 14 июня де Голль по поручению Рейно уезжает в Англию. Он едет в Бретань, оттуда плывет в Плимут и затем поездом добирается до Лондона. Де Голль прибывает туда 16 июня на рассвете. Задача генерала состоит в том, чтобы добиться от Черчилля согласия на слияние английского и французского правительств для совместной борьбы против Гитлера и оказание англичанами помощи в переброске французских войск в Африку. Такой план выглядел соломинкой, за которую пытался схватиться утопающий. В общем-то и де Голль и Черчилль понимали это. И все же премьер-министр Великобритании дал свое согласие. Он предоставил генералу самолет, чтобы тот добрался на нем в Бордо и, в случае надобности, смог опять прилететь в Лондон.

Де Голль приземлился во временной французской столице вечером 16 июня и узнал, что правительство Рейно ушло в отставку. Новый кабинет было предложено сформировать маршалу Петэну. Пост военного министра занял Вейган. Это означало, что последняя надежда рухнула. Даже соломинки не осталось. Но генерал не сломился. Де Голль не обвинял в случившемся Рейно, написав о нем следующее: «Он встретил бурю с душевной стойкостью. Ни разу в эти драматические дни Поль Рейно не потерял самообладания. Никогда он не горячился, не возмущался, не жаловался. Трагическое зрелище представлял собой этот выдающийся человек, незаслуженно раздавленный огромными событиями»¹³⁴. Сам Рейно утверждал, что подал в отставку под давлением президента республики Альбера Лебрена¹³⁵.

Вспоминал ли де Голль поздно вечером 16 июня 1940 года слова гениального немца Гёте, которые когда-то записал в своем дневнике: «Думать легко, действовать сложнее. Действовать же согласно своим убеждениям — вот что самое трудное на свете»¹³⁶. Во всяком случае для себя генерал принял решение, что будет действовать только согласно своим убеждениям, даже если в данный момент их никто не разделяет. Он будет продолжать борьбу.

Де Голль попросил секретаря без промедления отправить его жене и детям в Бретань документы, с которыми они могли бы покинуть Францию. Затем он явился к Рейно и сказал ему о намерении лететь в Лондон. Бывший глава кабинета поддержал его и выдал генералу сто тысяч франков из секретных государственных фондов.

Рано утром 17 июня английский самолет, на котором бывший заместитель военного министра Франции накануне вернулся из Лондона, был готов к обратному перелету. Вместе с де Голлем готовился лететь находившийся в Бордо английский генерал Спирс.

При выходе из гостиницы, где де Голль немного поспал, он увидел своего адъютанта, молодого Жоффруа де Курселя. Генерал сказал ему: «Я еду в Лондон. Вас это интересует?» Де Курсель ответил: «Да, но, наверное, есть более важные люди, отправляющиеся с вами?» И услышал спокойный голос де Голля: «Нет. Я один»¹³⁷. И они улетели.